

ПОЛЬ Д'ИВУА

НЕУЛОВИМЫЙ

КОРСАР

Золотой век детектива

Поль Д'Ивуа

Неуловимый корсар

«Public Domain»

1898

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Д'Ивуа П.

Неуловимый корсар / П. Д'Ивуа — «Public Domain»,
1898 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-501-00017-9

Поль д'Ивуа (1856–1915) – псевдоним французского писателя Поля Делётра, плодовитого и коммерчески весьма успешного автора более двух десятков приключенческих, фантастических и детективных книг. Основные события романа «Неуловимый корсар», представленного в данном томе, разворачиваются в XIX веке в Австралии. Загадочный корсар Триплекс объявляет войну всей Британской империи. Его способность находиться одновременно в нескольких местах ставит в тупик колониальных сыщиков. Шефу сиднейской полиции приходится вступить в смертельную схватку с преступником, знающим многие тайны его прошлого.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-501-00017-9

© Д'Ивуа П., 1898
© Public Domain, 1898

Содержание

Часть I. Корсар Триплекс	6
Глава 1. В адмиралтействе	6
Глава 2. Начальник тихоокеанской полиции	10
Глава 3. Прогулка Силли	16
Глава 4. Доклад	21
Глава 5. Праздник в сиднейских доках	24
Глава 6. Зеленые маски	29
Глава 7. Интервью с повешенным	35
Глава 8. Слежка	41
Глава 9. К Лотии возвращается улыбка	48
Глава 10. Триплекс действует, но не показывается	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Поль д'Ивуа

Неуловимый корсар

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Часть I. Корсар Триплекс

Глава 1. В адмиралтействе

Четырнадцатого августа 189... года началось очередное собрание Комиссии «Б», учрежденной при английском адмиралтействе. В августе дома лондонской знати пустеют. Банкиры, сановники, лорды – одним словом, все, кого коснулась волшебной палочкой фортуна, уезжают на дачи к морю. От Брайтона до мыса Корнуолл, от острова Уайт до мыса Рат все морские купальни, озерные станции и водные курорты кишат радостными семьями, жаждущими отдыха и чистого воздуха. Многих не пугает и переезд через море. В Остенде, Дюнkerке, Булони, Мейвиле, Дьеппе, Трувиле, в Бретани, Дофине, Оверни и в Тарнских ущельях с первым прилетом осенних птиц появляются клетчатые пары джентльменов и матросские шапочки молоденьких белокурых мисс.

Вот почему Комиссия «Б» собралась только в числе трех человек. Но эти трое стоили целой армии. Они никогда не отдыхали и без усталости ткали ту огромную паутину кабелей и телеграфных проводов, которой англичане думают опутать весь мир.

Итак, председатель лорд Стэм и члены комиссии баронет Геликс и сэр Торпедо сидели за работой. Перья их громко скрипели, и из-под них выходили те краткие приказания, которые, облетая весь земной шар, смущают людской покой.

Время от времени то один, то другой из джентльменов поднимал голову и бесстрастно спрашивал:

– Какого вы мнения об устройстве небольшого возмущения в Меконге для отвлечения внимания французов от Нигера?

Или:

– Не послать ли пять тысяч скорострельных ружей туземцам Камеруна, а то Германия уж слишком рьяно занимается нильским вопросом?

– Мы согласны, – всегда был ответ.

– Олл райт!

И заседание продолжалось.

Вдруг открылась дверь, и в залу быстро вошел курьер адмиралтейства.

Члены комиссии оставили свою работу и беспокойно посмотрели на прибывшего. Нужно было случиться чему-нибудь очень важному, чтобы вопреки всем обычаям комиссию побеспокоили во время заседания.

На бархатной подушечке, которую держал курьер, лежало распечатанное письмо.

– Что это, Симми? – неуверенно спросил лорд Стэм.

– Письмо, полученное ее величеством королевой. Ее величество направляет это письмо для подготовки ответа, наиболее соответствующего интересам Англии.

– Хорошо... Давайте его сюда. Можете идти...

Курьер, поклонившись, вышел.

Благородный джентльмен развернул письмо и медленно прочитал его вслух. Чистейший английский склад речи не оставлял никакого сомнения в национальности отправителя. Вот что он прочел:

– 11 мая 189... года. Ваше Высочтимое и Высокомилоостивое Величество! Я знаю, что Вы добры, что Вы не способны причинить кому-либо зло, но министры Вашей Милости смотрят на дело иначе. Они громко заявляют: «Народ благоденствует!» – но народ тихо отвечает: «Неправда!»

Я взываю к правосудию по поводу недостойных деяний, совершенных, конечно, помимо Вашего одобрения и могущих запятнать славное царствование Вашего Величества.

Об одном из этих деяний я должен молчать, о другом скажу.

Я буду говорить о главном начальнике полиции английских земель, омываемых Тихим океаном (Австралии, Малакки, Борнео, Новой Гвинеи, нескольких архипелагов, Новой Зеландии, Тасмании, китайских и японских факторий, западных частей американских владений и Канады), сэре Тоби Оллсмайне, пребывающем в Сиднее в своем отеле на Парамата-стрит. Этот человек сам должен сидеть в тюрьме, а не заключать в нее других. Ваше Величество, Вы узнаете правду, если назначите серьезное расследование. Я надеюсь получить ответ, но считаю своим долгом предупредить Вас, что, оставаясь почтительным слугой Вашего Величества, в случае молчания в течение трех месяцев я сочту себя оскорбленным в своих правах. Сохраняя полное уважение к закону, я вспомню, что я свободный гражданин и объявлю Вашей предательской администрации войну. И тогда берега Тихого океана будут трепетать при одном звуке моего имени. С полным уважением и верностью к Вашему Величеству. Триплекс, в скором времени корсар, если Вам так будет угодно».

Председатель закончил. Все молча переглянулись, не зная, как отнестись к дерзкой выходке неизвестного корреспондента.

Наконец лорд Стэм понял, что он как председатель должен говорить первым.

– Не находите ли вы, – сказал он, – что это письмо написал какой-нибудь безумец?

– Мы тоже так думаем, – дружно ответили Геликс и Торпедо.

– Олл райт! Значит, оставляем письмо без последствий?

– Да.

– Более того, письмо помечено одиннадцатым мая. А сегодня у нас уже четырнадцатое августа. Таким образом, указанный в письме срок истек.

– Совершенно верно.

Председатель, довольный решением вопроса, взял синий карандаш и написал на письме обычную фразу: «Оставляю без последствий, по единогласному мнению присутствующих членов комиссии».

Но в тот момент, когда он жирной линией подчеркивал написанное, дверь отворилась и снова вошел курьер Симми. На бархатной подушке теперь лежало несколько бумаг.

– Каблогаммы, – сказал он.

И, положив депеши на стол, курьер вышел.

На лицах присутствующих отразилось изумление. Таких случаев, чтобы заседание было нарушено дважды за один день, прежде не бывало в практике комиссии.

Забыв всю свою флегму, все потянулись за депешами, взяли по одной, пробежали их глазами и вскочили с мест.

– О! Это очень важно! – в один голос вскричали все трое.

Лорд Стэм взял ластик и тщательно стер только что написанную резолюцию на присланном королевой послании.

– Нет, этот Триплекс вовсе не тупоголовый безумец, – пробурчал он.

– Во все нет! – подтвердили Геликс и Торпедо, склонив голову.

Председатель несколько удивленно посмотрел на своих сотрудников. Как могли они подтвердить его замечание, если он прочитал телеграмму про себя? Но, увидев в их руках бумаги, он шлепнул себя по лбу.

– Депеша прислана в трех экземплярах, так?

– Именно так.

– В трех... ввиду исключительной важности.

– Совершенно исключительной...

– Она помечена вчерашним числом, тринадцатым августа.

– Точно.

– Отправлена из Викхэма, провинции Квинсленд в Австралии?

– Тут вы ошибаетесь, – возразил баронет Геликс. – Эта депеша из Эссингтона в Британской Колумбии, из канадских владений.

– Что вы говорите? – вскричал председатель.

– Позвольте, – вмешался сэр Торпедо, – по-моему, вы оба ошибаетесь. Депеша из Сингапура, того, что близ полуострова Малакка.

– Взгляните сами: Уикхэм.

– А здесь: Эссингтон.

– На моей депеше ясно обозначено: Сингапур.

Все трое опять поднялись с мест и, ошеломленные, сбитые с толку, стали передавать друг другу телеграммы. В конце концов они в изнеможении упали в свои кресла и схватились за голову.

– Вы что-нибудь понимаете? – пролепетал председатель.

– Ничего.

– Ведь невозможно же, чтобы один человек в один и тот же день, в один и тот же час был сразу в трех местах, отстоящих на тысячи миль друг от друга?

– Физически невозможно.

– Однако эти депеши не лгут.

– Нет, они передают точные сведения.

– Постараемся успокоиться, коллеги, и разобраться во всем этом.

И, пододвинув к себе бумаги, до такой степени взволновавшие комиссию, председатель проговорил уже более спокойным тоном:

– Я должен перечитать их громко и внимательно.

Усевшись поглубже в кресло, он начал чтение.

– Первая каблограмма. «Уикхэм, Квинсленд, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, находившегося на маневрах, злоумышленники взорвали форт Уикхэм. На развалинах найдена приколотая перочинным ножиком картонка с надписью: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”».

Лорд Стэм взял следующую депешу.

– Вторая каблограмма. «Эссингтон, канадские владения, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, участвовавшего в большой охоте, злоумышленники взорвали форт. На развалинах найдена карточка, проткнутая гарпуном: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”».

Сделав паузу, председатель продолжил чтение:

– Третья каблограмма: Сингапур, Малакка, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, контролировавшего рыболовный промысел, злоумышленники сожгли пост Герланг. На обугленных развалинах найдена карточка, приколотая длинной сямской булавкой, с надписью: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”».

Председатель медленным движением положил депеши на стол и скрестил на груди руки.

– Что будем делать? – спросил он своих слушателей.

Те в свою очередь воздели ладони к потолку.

– Что делать? Мы и сами себя об этом спрашиваем!

– М-да... вопрос щекотливый, – молвил Стэм задумчиво.

– Крайне щекотливый.

– Мы не можем ничего сделать.

– Это совершенно верно.

– Однако необходимо что-то предпринять.

– Это наш долг.

– Тогда... Что же мы сделаем?

И три англичанина, как три авгура, мрачно уставились друг на друга.

Вдруг полнокровное лицо сэра Торпедо прояснилось.

– Есть одно лицо, которое может несколько прояснить дело.

– Кто же это, кто? – вскричали в один голос Стэм и Геликс.

– Сэр Тоби Оллсмайн, имя которого значится в документе.

– Совершенно справедливо.

– К нему и обратимся. Он дважды причастен к данному делу. Во-первых, как обвиненный этим вездесущим корсаром, а во-вторых, как начальник тихоокеанской полиции.

Настроение комиссии улучшилось. Торпедо был прав. Адмиралтейству не следовало тратить времени на разрешение загадки; эта обязанность лежала на агенте, ответственном за безопасность британских владений в другом полушарии.

Председатель тут же спрятал в отдельную папку послание королевы и депеши. Все это было отправлено к сэру Тоби Оллсмайну с приказанием схватить живым или мертвым авантюриста, осмелившегося коснуться преступной рукою зданий, находившихся под охраной штандартов старой Англии.

Глава 2. Начальник тихоокеанской полиции

– Алло! Алло! Главное бюро сиднейской полиции?.. Кто у телефона?.. Мэтьюби, начальник пятого отделения?.. Сэр Тоби Оллсмайн приказал вам немедленно отправиться в Литтл-Рок, захватить там аппарат Фольмана и арестовать его самого. Понятно?.. Хорошо, до свидания.

И, нажав дважды пуговку телефонного звонка, говоривший отошел от аппарата.

Это был человек лет тридцати пяти, среднего роста и замечательно приятной наружности. Правда, его позвоночник был довольно сильно искривлен, так что многие невоспитанные люди называли его горбатым, но приятная улыбка, ласковые смеющиеся глаза, шелковистые белокурые волосы и усы молодого человека заставляли забывать его физический недостаток, и нередко молодые сиднейские мисс, со свойственной саксонской расе целомудренной откровенностью, сами предлагали ему свою руку.

– Очень вам благодарен за оказанную честь, – неизменно отвечал он в таких случаях, – но у меня пока нет времени для занятия такими делами.

И действительно, в обширном стеклянном павильоне частного дома сэра Оллсмайна, среди множества телефонов, телеграфов, аппаратов фототелеграфической связи и разных акустических трубок, соединявших этот павильон с центральным бюро полиции в Сиднее, а оттуда – посредством Порт-Дарвинского, Суматрского, Новозеландского и Тасманского кабелей – со всем миром, молодому человеку некогда было даже подумать о женитьбе.

Целый день, а иногда и ночь он работал здесь, переговариваясь и обмениваясь депешами с полицейскими агентами, рассеянными по берегам Тихого океана. Он принимал их рапорты, передавал им инструкции начальства, – одним словом, следил за правильным действием сложного полицейского механизма, обеспечивающего здесь, как и везде, политическое могущество Англии.

Звали этого человека Джеймс Пак. Он служил личным секретарем у сэра Оллсмайна. В его распоряжении находились три писца, вернее, три дактилографиста, три эксперта в области манипулирования пишущими машинками.

Когда Джеймс отошел от телефона и сел за свой стол, один из писцов приподнял голову.

– Как, мистер Пак, приказано арестовать Фольмана?

– Да, Дик.

– Того самого Фольмана, который, пользуясь свойством икс-лучей, изобрел фотографический аппарат, снимающий одни скелеты людей?

– За это его и арестуют.

– Правда?

– Можете взглянуть, за что именно. – Дик протянул коллеге кусочек картона.

– Забавная фотография! – воскликнул дактилографист. – Нога деревянная, челюсти вставные, в них трубка, а нос...

– Серебряный. Это портрет полковника Эвиса, снятый посредством аппарата Фольмана. Это заявление было встречено взрывом гомерического хохота.

– Полковник рассердился, – продолжал секретарь, – подал жалобу, требуя удовлетворения за публичное обнаружение его телесных недостатков. А полковник имеет хорошие связи в Англии, и потому нашему начальнику не хочется с ним ссориться, в особенности теперь, когда, несмотря на категорические приказания адмиралтейства, мы не можем схватить этого неуловимого корсара Триплекса.

При этом имени писцы помрачнели.

– Проклятый! – сказали они в голос.

– Конечно, проклятый, – подтвердил горбун. – Наверное, Сатана побился за него об заклад. И знаете что, – прибавил он, немного помолчав и переходя на шепот, словно испугавшись невидимых шпионов, – знаете что, этот корсар как будто вездесущ. Он и начал с того, что в один и тот же час, в один в тот же день разрушил три английских поселения, одно – в Британской Колумбии, в Америке, другое – в Азии, недалеко от Сингапура, и третье – у нас, на австралийском берегу.

– Ну да, это и послужило поводом к тому приказу адмиралтейства, о котором мы сейчас только говорили?..

– Да-да... А вчера утром мы также получили депеши с Новой Зеландии, с острова Борнео и с Цейлона. Оказывается, что в прошлую ночь Триплекс появился во всех этих трех местах, схватил там по чиновнику, высек каждого из них розгами до потери сознания и каждому оставил по карточке со словами: «Во имя справедливости корсар Триплекс наказывает телесно подчиненных безбожного Оллсмайна, в ожидании, пока доберется до него самого».

Писцы переглянулись с видимым смущением.

– Так и высек! – проговорил один.

– Опасное наше ремесло, – заметил другой.

Что касается последнего, то после минутной паузы он задумчиво спросил:

– А видел ли кто-нибудь этого чертового корсара?

– Тсс!.. Лучше не говорите о нем так! – прервали его двое других. – Зачем навлекать на себя гнев такого человека?

По губам Джеймса скользнула улыбка.

– Его видели, – поторопился он ответить, – он носит флотский мундир и широкий плащ.

– А каков он лицом?

– Лица его никто не видел – он носит зеленую маску.

– Зеленую маску?! Но это, должно быть, ужасно!

Писцы были так напуганы, что даже привскочили, когда открылась дверь. Но страх их был напрасен: на пороге показался не страшный корсар, а сэр Оллсмайн собственной персоной. Это был человек высокого роста, довольно плотный; его широкое лицо казалось еще шире от бакенбард, голубые глаза смотрели жестоко и лукаво. Но в данный момент начальник полиции выглядел слишком раздраженным.

Предчувствуя грозу, писцы принялись за работу, слышалось только сухое шелканье пишущих машинок.

– Что у вас нового, мистер Пак? – спросил Оллсмайн глухим голосом.

– Ничего, сэр.

– Зато у меня есть новости, – с гневным жестом сказал директор. – Новости, от которых можно с ума сойти! – Он нагнулся к уху своего собеседника и продолжал, понизив голос: – Вы знаете, что вчера я совещался с лордом Болджином, главным адмиралом нашей тихоокеанской эскадры. Решено было, что все наличные суда будут мобилизованы, а десантные войска будут размещены на всех принадлежащих Англии берегах. Сам же лорд Болджин должен был выйти в море на броненосце «Айрондук» для организации защиты австралийских берегов. Незадолго до восхода солнца адмирал стоял на палубе в ожидании прилива, который дал бы ему возможность выйти из военного порта Фарм-Коув. Вдруг откуда ни возьмись, на палубу падает деревянный ящичек. Его открывают и находят в нем вот это письмо. Его мне переслал лорд Болджин.

Оллсмайн протянул секретарю то, что держал в руках. Джеймс взглянул на бумагу и с выражением удивления на лице прочитал вполголоса:

– «Благородный лорд! Вы не встретите меня на своем пути, так как против вас лично я ничего не имею. Можете делать все, что вам угодно, и все-таки вам не удастся мне помешать наказать этого отвратительного Оллсмайна. Корсар Триплекс».

Молодой человек покачал головой.

– И тут положительно какая-то чертовщина, – продолжал сэр Тоби. – По приказанию лорда зажгли электрические прожекторы и осмотрели весь порт, но там не было ни одной барки, ни одной лодки. Экипаж в ужасе. Все думают, что ящикек упал с неба и был брошен летучим демоном.

– Да, больше и нечего придумать, – согласился Джеймс.

– Но вы ведь не верите в эту чертовщину? – пожимая плечами, возразил директор.

– Конечно, нет, сэр. Но ведь этот случай необъяснимый.

– Действительно, необъяснимый.

– По-моему, самое лучшее, что мы сделали, это то, что объявили в газетах о награде в четыре тысячи фунтов стерлингов тому, кто выдаст Триплекса.

– Я тоже так думаю. Но объявление вышло неделю тому назад, а мы все еще не узнали ничего.

– Надо подождать, сэр.

– Ждать, ждать!.. А адмиралтейство?! Вы же знаете, что этот нахал решил прямо написать ее величеству!

– Я знаю, но что же делать? – сказал Джеймс.

Вместо ответа Оллсмайн тем же жестом выразил свою беспомощность.

В эту минуту послышалось два легких удара в дверь. Стук пишущих машинок прекратился как по волшебству.

– Войдите, – прозвучал голос начальника полиции.

В комнату вошла элегантная, грациозная женщина. Она была одета в простое черное платье, лицо ее, окруженное золотистым ореолом белокурых волос, было еще молодо и прекрасно, но тусклый блеск голубых глаз показывал, что она много и часто плакала, а легкие морщинки на лбу обнаруживали привычку к невеселым раздумьям.

– Леди Оллсмайн! – шепнули писцы, приподнимаясь, чтобы поклониться вошедшей.

Начальник полиции нетерпеливо повел плечом.

– Вы, Джоан! Я не ожидаю видеть вас здесь, – сухо проговорил он.

– Действительно, здесь мне не место, – кротко возразила женщина, – но, поверьте, я не пришла бы сюда без важной причины.

– Какая же это причина?

– Корсар Триплекс, – тихо отвечала молодая женщина.

Оллсмайн побледнел и едва не выбранился вслух. Рука его невольно потянулась за револьвером, который он, подобно всем своим соотечественникам, всегда носил в кармане.

– Пройдем в соседнюю комнату, – сказал он. – Там все объяснится.

Кивком головы Оллсмайн пригласил Джеймса следовать за собой. Оба вышли вслед за молодой женщиной, предоставив писцам строить самые разнообразные предположения.

Они миновали длинный коридор и наконец вошли в небольшую белую с золотом гостиную, уставленную всевозможной мягкой мебелью. На одном из пуфов, скрестив ноги, сидел мальчик лет пятнадцати и сосредоточенно делал шапку из большой желтой афиши. Его старая коричневая куртка и такие же панталоны выделялись странным пятном на бархате обивки, его загорелые ноги без чулок были обуты в старые желтые туфли с выцветшими голубыми лентами, но всего страннее было лицо ребенка. Тонкие, правильные черты, маленький рот, прямой нос, гладкий белый лоб, густые белокурые локоны, выбивавшиеся из-под лихо сдвинутого на затылок берета, одним словом, вся наружность мальчика носила бы отпечаток благородного изящества, если бы не растерянный взгляд больших темно-зеленых глаз – взгляд идиота или безумного.

– А, да это Силли! – тихо сказал Джеймс на ухо своему начальнику.

– Силли! Какой Силли?

– Маленький идиот, живущий милостыней, бродя по Сиднею и появляясь то там, то здесь...

Сэр Тоби не без удивления взглянул на свою жену.

– Вы хотите знать, зачем я привела сюда этого ребенка? – отвечала она на его немой вопрос. – Сейчас я объясню. Вы знаете, что моя подруга Элида Льюис не совсем здорова, и сегодня к часу я велела запрячь двухместную викторию и поехала навестить больную. Ей оказалось лучше. Когда я возвращалась, то около доков толпа задержала наш экипаж. Портовые рабочие столпились вокруг этого ребенка, перекидываясь разными шуточками.

При этих словах Джоан посмотрела на Силли, который, не обращая внимания на окружающих, старательно приделывал перо к шляпе из афиши.

– Понимаю. Вы взяли ребенка...

– Подождите, я еще не закончила. Дело в том, что Силли с серьезным видом приклеивал к стене одну из вот этих афиш.

И, пользуясь тем, что ребенок, стоя перед зеркалом, с довольным видом примерял свою шляпу, Джоан взяла с пуфа одну из оставшихся афиш. Она развернула ее и дала прочесть мужу и Джеймсу.

На афише стояло:

«Братья мои, жители Сиднея!

Газеты и полиция слишком пугают вас моим именем. Вам нечего бояться. Я веду войну лишь с недостойным директором тихоокеанской полиции, который, вместо того, чтобы попасть в руки правосудия, сам действует от имени его. Но рано или поздно это кончится. Как бы то ни было, вам не будет причинено никакого зла преданным вам корсаром Триплексом».

Оллсмайн побагровел и грозно взглянул на мальчика, все еще стоявшего перед зеркалом. Но Джоан остановила мужа.

– Подождите еще минуту, – сказала она. – Этот ребенок лишен рассудка и не может отвечать за свои поступки. Но мне он оказал услугу.

– Вам? Услугу? – проворчал сквозь зубы Оллсмайн.

– Да, мне. Когда толпа узнала меня и с дерзкими шутками окружила экипаж, он мне помог. В толпе кричали: «Ага, полиция испугалась и теперь уже посылает женщин сражаться с корсарами!» Я уже начала беспокоиться, но в это время Силли заметил меня, поставив на землю ведерко и кисть, бывшие у него в руках, одним прыжком очутился он на подножке экипажа. С минуту он меня с удивлением разглядывал, потом вдруг тихо заговорил: «Ты добрая, очень добрая, и Силли за тебя заступится. Дай мне руку!» Я протянула руку, и мальчик поднес ее к губам. Толпа захохотала. «Браво, Силли, браво!» – кричали рабочие. Но мальчик выпрямился, глаза его загорелись, а ноздри задрожали. «Держите языки за зубами! – крикнул он. – Вы не умеете уважать женщину! Но Силли заступится за эту даму и никому не даст ее в обиду!»

– Защитник! Нечего сказать! – промолвил, пожав плечами, Оллсмайн.

– Однако его защита оказалась очень полезной. Наш народ относится к безумным и слабоумным с каким-то суеверным уважением. И на этот раз все замолчали, толпа расступилась и пропустила мою карету. Силли сидел со мною рядом и все время держал меня за руку, повторяя: «Добрая, ах какая добрая!» И я привезла его в надежде, что вам удастся узнать от бедняжки, кто это дал ему такое опасное поручение.

– Вы правы, клянусь пальцем Сатаны! Я спрошу этого молодца. Как вы думаете, мистер Пак? – И сэр Оллсмайн, подойдя к мальчугану, хлопнул его по плечу. – Силли, послушай-ка, Силли!

Ребенок обернулся.

– Здравствуйте, джентльмен, – сказал он. – Знаете, времени мало, надо успеть примерить генеральскую шляпу.

– Не в этом дело, друг мой. Сегодня ты приклеивал к стенам афиши.

– Приклеивал афиши? – как бы удивленно повторил мальчик. – Ах да! – сказал он с радостной улыбкой человека припомнившего забытое. – Такой большой кистью, которую я обмакивал в ведро.

Вдруг он остановился и беспокойно огляделся вокруг.

– Кстати, где же мое ведро? Потерял! Ведро... ведро... – И мальчик, чуть не плача, стал метаться по комнате, заглядывая под все столы и стулья.

– Ну постой! – с нетерпением вскричал сэр Оллсмайн. – Стоит ли толковать о твоём ведре!

– Стоит толковать! Конечно, стоит. Если бы вы только видели мое ведро. Оно было полно клея, и солнце так славно играло на нем.

– Надо уступить ему, иначе мы ничего не узнаем, – сказал на ухо директору Джеймс.

– Уступить ему?

– Да. Позвольте мне поговорить с ним?

– Пожалуйста.

Секретарь подошел к мальчику и тихо взял его за локоть.

– Не беспокойся, Силли, тебе дадут другое ведро.

– Другое! – повторил мальчик, просияв.

– Да, и еще больше.

– И с клеем? И с кистью?

– Да.

Мальчик взглянул на леди Оллсмайн.

– Правда? – спросил он.

– Да, правда, – подтвердила Джоан.

– Раз она говорит – «правда», тогда я вам верю. Когда вы мне дадите это ведро?

– Когда ты мне ответишь о том, что я у тебя спрошу.

– Силли всегда отвечает, когда его спрашивают. Силли не негодяй! – со смехом возразил мальчик.

Джеймс обменялся взглядом со своим патроном и продолжал:

– Сегодня утром, Силли, ты наклеивал афиши. Зачем?

– Это весело. Разве вы не любите клеить бумагу?

– Мне некогда.

– Тем хуже для вас.

– Кто же тебе велел приклеивать афиши?

– Кто? Да он... человек.

– Какой человек?

– Не знаю.

– Но каков он был?

– Как все люди... у него были длинные ноги... он бегал.

У сэра Тоби вырвался гневный жест. Он начинал понимать, что от несчастного идиота нельзя будет ничего добиться. Однако Джеймс решил попробовать еще раз.

– А что тебе сказал этот человек?

– Он сказал: «Силли, возьми ведро, кисть и эти листы и расклей их на стены. Это весело».

– И все?

– Все. Ах нет! – вдруг вспомнил ребенок, ударив себя по лбу. – Коротка же память у Силли! Человек сказал: «Отнеси это письмо сэру Тоби Оллсмайну».

Все вздрогнули, предчувствуя, что близок интереснейший пункт допроса.

Силли порылся в карманах и, вынув конверт, на котором крупными буквами было написано имя сэра Тоби Оллсмайна, покрутил его в руках.

Последний протянул было руку за письмом, но мальчик отскочил в сторону.

– Я не могу дать вам этого письма. Оно для сэра Оллсмайна.

– Я и есть сэр Оллсмайн.

– Это правда, дитя мое, – подтвердила и Джоан в ответ на его взгляд.

– А! Тогда, значит, правда, возьмите письмо.

Оллсмайн не заставил себя повторять приглашение и нетерпеливой рукой разорвал конверт. Джоан и Джеймс смотрели через его плечо, чтобы скорее узнать содержание письма, так необычайно дошедшего до адресата.

«Ваше превосходительство! – говорилось в послании. – Корсар Триплекс заставил меня расклеивать его прокламации, под страхом смерти я должен повиниться. Но мне хочется вырваться из когтей этого ужасного человека. Сегодня вечером, после ежегодной распродажи товаров, оставшихся невостребованными, в доках будет праздник. Там будет и Триплекс. Будьте там, чтобы арестовать его. В нужную минуту я явлюсь к вам и укажу злодея. Молчите обо всем. Одно неосторожное слово может погубить вашего верного слугу».

Крик торжества вырвался из груди начальника полиции.

– Сегодня пират будет в наших руках, – сказал он. – Вы были правы, мистер Пак, рассчитывая на объявления. Эти бандиты держат людей в своих руках одними деньгами – деньгами против них и надо бороться. Значит, сегодня на празднике в доках. Идемте, мистер Пак, надо еще сделать некоторые распоряжения.

Секретарь поклонился, но, прежде чем последовать за своим патроном, он подошел к Силли. Мальчик стоял у окна, выходящего в парк, и внимательно рассматривал цветы.

– Прощай, Силли, – сказал Пак. – Ты славный мальчик, дай мне руку.

И, пожимая руку мальчика, Джеймс быстро сунул в нее какой-то предмет, который тот не менее быстро спрятал в карман. Никто не заметил этой маленькой сцены.

Когда мужчины ушли, Силли подошел к леди Джоан.

– А ведро? – капризным тоном проговорил он. – Ты обещала Силли ведро!

Джоан улыбнулась и погладила мальчика по голове.

– Пойдем со мной, Силли, я дам тебе позавтракать, а потом дам и игрушку, которая так тебе понравилась. Ты хочешь завтракать?

– Да-да, вы очень добры. Знаете, Силли часто бывает голоден, и теперь тоже. Вы очень добры.

Сердце леди Джоан сжалось при виде такого наивного выражения несчастья и бедности. Она наклонилась над сиротой и поцеловала его в лоб, потом увела на свою половину, расположенную в другом конце здания.

Глава 3. Прогулка Силли

Усадив мальчугана за стол, леди Оллсмайн приказала подать ему холодный завтрак. Силли с аппетитом принялся за цыпленка, отвлекаясь лишь изредка, чтобы выпить глоток воды. Когда Джоан хотела подлить в его бокал несколько капель вина, мальчик отстранил ее руку.

– Не нужно вина, – сказал он. – Оно нехорошее... От него Силли теряет голову...

Молодая женщина нежно смотрела на несчастного, охваченная внезапной симпатией к этому обездоленному существу.

Утолив голод, Силли с удивлением и любопытством оглядел комнату. Сначала его внимание привлекла кровать из черного дерева с инкрустациями из слоновой кости, потом каминное зеркало в художественной рамке, наконец, его взгляд с видимым удовольствием остановился на картине, висящей на стене. Картина изображала девочку примерно двухлетнего возраста, стоящую на скамейке у пьедестала статуи. Склонившийся над ней памятник словно любовался этим ребенком. Розовое платье девочки резко выделялось на белом мраморе пьедестала и красиво гармонировало с зеленью пейзажа. Джоан заметила, что мальчик любит портретом, и на ее лицо набежало облачко грусти.

– Кто эта милая крошка? – спросил Силли.

– Это... это была моя дочка, Маудлин, – ответила она изменившимся голосом.

Силли подбежал к Джоан и ласково взял ее за руки.

– Ты плачешь, ты плачешь, – заговорил он. – Силли не знает почему. Может быть, потому, что крошка перестала быть твоей дочерью... Не знаю. У меня не было матери, я один живу в поле. Мои родители – лесные птицы да полевые цветы... Прости меня, может, я сказал что-нибудь не так...

В голосе мальчика звучало неподдельное сочувствие. Джоан инстинктивно прижала его к сердцу.

– Не бойся, бедняжка, – сказала она. – Ты не сказал мне ничего дурного. Ты еще не знаешь, что такое смерть. Маудлин нет на свете. Она упала в реку, недалеко от меня, тело ее не было найдено. Я плачу, потому что никогда больше не поцелую ее. Но ты также плачешь, дитя?

– Да, Силли плачет, его еще никто не целовал так, как ты.

Новое рыдание сдавило грудь молодой женщины. Она еще крепче прижала к груди белокурую головку мальчугана и проговорила, охваченная внезапным порывом:

– Мать без ребенка, ребенок без матери. Не сама ли судьба соединяет эти осколки разбитых жизней, не сама ли судьба хочет исправить непоправимое? Силли, останься со мной, – прибавила она решительно.

Ребенок поднял на нее полные слез глаза. Казалось, он уже готов был согласиться, но вдруг лицо его потемнело.

– Нет, Силли должен быть свободен, – сказал он. – Ему нужна дорога, где солнце золотит пыль, нужны горы, где в ущельях рычит ветер, нужны луга, где пасутся большие рыжие быки. Нет, Силли не может жить в доме. И знаешь, я должен идти, – прибавил он быстро. – Слышишь, как поет море? Оно зовет меня... Знаешь, это мой лучший друг. Часто, когда Силли был голоден, оно приносило ему раковины. Мы любим друг друга.

Джоан не отвечала. В ней зарождалось какое-то странное, необъяснимое чувство. Ей казалось, что мальчик, уходя, уносит с собой частицу ее сердца. Она сделала последнюю попытку удержать его.

– Подожди, Силли, ведь я обещала тебе ведро.

– Да, но я скоро вернусь. Ты также – мой друг. Силли вернется. Он станет на колени возле твоего стула и будет смотреть на тебя. Ему хорошо, когда он на тебя смотрит.

Помедлив еще минуту, мальчик как бы делал над собой усилия, чтобы решиться уйти. Наконец, он в последний раз поднес к своим губам руку Джоан и бросился к двери. Через минуту он уже шел по улицам города, направляясь к порту.

* * *

Порт Джексон – один из обширнейших портов в мире. Он состоит из трех бухт: Фарм-Коув, где стоят военные суда тихоокеанской эскадры, Сидней-Коув, к набережной которой, известной под именем Круговой набережной, подходят почтовые пароходы из Европы, и Дарлинг-Харбор, назначенной для купеческих кораблей. К этому последнему пункту и шел Силли.

Подойдя к морю, он сел на широких плитах набережной и с удовольствием стал смотреть на развернувшуюся перед ним картину. Напротив него на восточной стороне бухты поднимались пристани, верфи и склады всевозможных морских компаний, в которых была сосредоточена вся торговля города. За ними на высотах виднелись профили фортов Мидл-Хэд и Джордж-Хэд, охранявших Сидней от всякого нападения своими сильными батареями. В одном месте набережной поднимался лес мачт, убранных разноцветными флагами. На этом месте вечером должно было происходить празднество, включавшее в себя ежегодную распродажу товаров, оставшихся в доках невостребованными. Изредка долетавшие звуки музыки указывали, что вокруг складов уже группировались иностранцы.

В том месте, где остановился Силли, порт имел совсем другой вид. Здесь работа так и кипела. Огромные краны со скрипом сгружали товары, прибывшие сюда со всех концов света. С головокружительной быстротой проносились на велосипедах курьеры. Катились, пыхтя и гремя, автомобили.

Около получаса сидел мальчик неподвижно, потом встал и пошел вдоль набережной, изредка нагибаясь и подбирая голыши. Наконец он остановился возле лестницы, спускавшейся к самой поверхности моря.

Он медленно спустился по ступеням. На последней ступеньке он снова сел и с деловым видом стал швырять в море камни, подобранные им, с видимым интересом следя за кругами, расходящимися по воде. Тот, кто в этот момент увидел бы Силли, мог бы принять его за немного придурковатого мальчугана, занимающего свое время обыкновенными мальчишескими шалостями. Но, присмотревшись поближе, можно было заметить в его действиях какую-то определенную идею.

Вдруг его тусклый до сих пор взгляд оживился разумным выражением. Он медленно осмотрелся вокруг: никто не обращал на него внимания. Только два матроса, проходя мимо, посмотрели в его сторону с презрительной жалостью и обменялись краткими замечаниями.

– Мальчуган мечтает, – сказал один.

– О чем ему мечтать, безмозглому? – возразил второй.

И они пошли своей дорогой, а Силли не подал и вида, что услышал их разговор. Как только их шаги затихли вдали, мальчишка наклонился к воде и опустил в нее руку, как бы что-то отыскивая. Наконец вытащил руку: в ней была пробка, привязанная к бечевке, другой ее конец был закреплен где-то на дне бассейна.

Оглядевшись еще раз, мальчик достал из кармана предмет, который ему передал Джеймс в доме сэра Оллсмайна. Этот предмет оказался небольшим жестяным цилиндром. Силли крепко привязал его к пробке и три раза дернул за бечевку. Довольная улыбка мелькнула на его губах. Он выпустил из рук бечевку, металлический цилиндр скользнул в море и, крутясь, исчез под водой. Бросив в воду еще несколько камней, Силли как будто заскучал. Он взглянул на семафор и увидел сигнал, указывающий на прибытие в Сидней-Коув парохода, быстро встал, поднялся по лестнице и пошел по Круговой набережной. Теперь у него была какая-то цель. Он шел смотреть на пассажиров, приехавших из Европы. Он шел, не торопясь, обходя тюки и

ящики, нагроможденные на набережной, отвечая кивком головы портовым рабочим, приветствовавшим его. Они все знали, любили и жалели мальчика, в красивую голову которого природа забыла вложить ум. А он шел, насвистывая охотничью песенку, беззаботный и грациозный, как полевая птичка. Вдруг он вздрогнул. У полицейского поста он увидел Джеймса Пака, который разговаривал с начальником охраны. Мальчик хотел было пройти мимо, но секретарь сэра Оллсмайна его остановил:

- Здравствуй, Силли.
- Здравствуйте, сэр.
- Ты не остался у леди Оллсмайн?
- Нет, свобода слишком хороша.
- Не хочешь ли ты все же прогуляться со мной сегодня вечером?
- Хочу, сэр.
- Прекрасно. Так приходи в девять часов на Парамата-стрит.
- Это где дом доброй леди?
- Да. Я свожу тебя на праздник в доки.
- На праздник, где будут балаганы, велосипедные гонки?
- Да-да. Так до вечера, Силли.
- До вечера, сэр.

Мальчик продолжил свой путь, а Джеймс сказал, указывая на него начальнику полицейского поста:

– Это тот самый мальчуган, который навел нас на след корсара Триплекса. Я хочу его побаловать в награду за эту услугу, да к тому же он нам может помочь отыскать того человека, который передал ему афиши.

Полицейский наклонил голову в знак понимания и с внезапной нежностью во взгляде посмотрел вслед мальчику. Но тот был уже далеко. В это время он проходил по тесным улицам, где толпится рабочее население порта. Рыбаки, загромождая дорогу, чинили свои сети у открытой двери кабачка, из которой тянуло тяжелыми запахами виски и джина; теснились, оглашая воздух крепкой бранью, пьяные матросы; поодаль с криками толпились женщины, забывая за сплетнями хозяйственные заботы и, таким образом, подготавливая вечерний повод для супружеских бурь. Силли ловко маневрировал между этими группами, нисколько не замедляя шага. Вскоре он вышел на Круговую набережную, куда пристают европейские пароходы. Мальчуган пришел как раз вовремя. Просигналившее судно уже подходило к пристани.

Пока с парохода спускали сходни, комиссионеры, гарсоны из отелей и переводчики подняли невообразимую толкотню перед пристанью, каждый изо всех сил работал локтями, стараясь пробраться в первый ряд. Над набережной стоял гул от криков, угроз, взрывов смеха.

Приход Силли был встречен веселыми замечаниями.

– Мы спасены! – заорал здоровенный носильщик. – Иди сюда, дурачок! Нам нужны сильные малые!

Все засмеялись над этой шуткой, но Силли нисколько не смутился и отвечал:

– Силли не силен, как бык, но все же он может поднести чей-нибудь чемодан и заработать себе на хлеб.

Носильщики перестали смеяться. Эти грубые, но не злые люди несколько смутились. Им стало стыдно, когда это хилое создание заявило так просто о своем праве на жизнь. Ему бы охотно уступили место, но в эту минуту пассажиры стали сходить на пристань, и вся эта беднота, пришедшая сюда заработать несколько пенсов, бросилась на чемоданы, свертки и саквояжи, которые держали в руках приехавшие. Воздух загудел от восклицаний:

- Не угодно ли комиссионера, леди?
- Пожалуйста ваш чемодан, джентльмен!
- Сюда, милорд! Отель «Ройяль»! Умеренные цены!

– «Павильон-Отель», сэр!.. Очень удобно! Каждый вечер музыка и каждую неделю представления.

– Взгляните сюда, молодая леди! Отель «Муз-Парк»! Прислуга снабжена электрическими механизмами! Это сенсация!

Пуф-пуф! – пыхтели паровые omnibusы, на которые уже грузили багаж пассажиров расторопные носильщики.

Сбитые с толку, с растерянными лицами, путешественники бежали за своими комиссионерами к экипажам. Только одна группа стояла вне этой суеты. Она-то и привлекла внимание Силли. Группу эту составляли один джентльмен и две дамы. По худощавой физиономии и слегка насмешливому взгляду, по закрученным кверху усам и по общему выражению какой-то доверчивости и откровенности в молодом джентльмене можно было узнать француза. Его спутницы были не менее изящны. В одной, тоненькой блондинке с прекрасным цветом лица, можно было узнать англичанку, другая, очень смуглая брюнетка с большими темными глазами, легкой грацией своих движений напоминала газель.

Со спокойной улыбкой джентльмен отвел руки носильщиков от чемодана, который он держал в руках, не торопясь, выбрал глазами двух сильных парней и дотронулся до них тросточкой.

– «Сентенниал-Парк-Отель», – сказал он.

– Omnibus набит битком, джентльмен.

– Не страшно, пойдем пешком! У нас три чемодана, мы путешествуем для удовольствия и покупаем в дороге все, что нужно.

Комиссионеры с видимым почтением схватили чемоданы.

В Австралии, где люди ездят только по делам, человек, путешествующий для своего удовольствия, пользуется особым уважением. Тот, кто путешествует не ради добывания денег, должен иметь их много. А в Австралии, как и повсюду, капитал внушает почтение. Носильщики пошли вдоль набережной.

– Пойдем, Оретт! Пойдем, Лотия! – молодой человек пригласил своих дам.

– Я готова, мой милый Арман, – отвечала молодая англичанка.

– А вы, Лотия?

– И я также, господин Лаваред, – отвечала вторая спутница.

Силли не пропустил ни одного слова из этого разговора. На его лице проступило удивление, смешанное с нежностью.

– Лотия! Оретт! Лаваред! – пробормотал мальчуган.

Он, быстро протянув руку, схватил маленький саквояж, который держала в руках Лотия, и промолвил плачевным тоном нищего:

– Силли понесет ваш сак, мисс... Всего два пенса!

– Кто это? – спросил Лаваред.

– Это маленький простачок Силли, – сказал, обернувшись, один из носильщиков. – Вы сделаете благодеяние, сударь, дав ему заработать на кусок хлеба.

– В таком случае, возьми саквояж, малыш, и иди за нами.

Силли важно поклонился и пошел за путешественниками, которые разговаривали, не обращая ни на кого внимания.

– Итак, господин Лаваред, – с беспокойством спросила Лотия, – вы думаете, нам посчастливится в Сиднее?

– Уверен.

– Вы надеетесь, что мы найдем...

– Кузена Робера? Да, без сомнения! Подумайте, Лотия, – прибавил он, заметив жест сомнения своей спутницы, – ведь мы уже взяли след беглеца. В тот день, когда он оставил нас, я вспомнил, что я – парижский журналист. Правда, женитьба на Оретт заставила меня немного

забыть об этом, но обстоятельства изменились, и я опять вспомнил свои репортерские подвиги. Уверю вас, что мы найдем нашего несчастного друга!

– Может быть, вы и правы. Мне не следовало забывать, что благодаря вам мы напали на его след и узнали: в Бриндизи он сел на сиднейский пароход и не сходил на берег в Порт-Саиде и в других местах.

– Следовательно, здесь конечный пункт этого путешествия...

– И мы должны его найти, – dokonчила с милой улыбкой Оретт.

Лотия покачала головой:

– Здесь мы не можем обратиться к властям. Роберу опасно попасть в руки полиции.

– Простите, простите! – весело подхватил журналист. – У нас всего два разных дела. Первое и самое трудное – найти кузена. В этом полиция поможет нам с вполне понятным усердием. А второе – вырвать его из рук полиции. Ну, здесь... как, впрочем, и в Европе, это – сущие пустяки. Нужно только немного ловкости.

– Стало быть...

– Завтра я побываю у главного начальника полиции и прошу вас только об одном: не беспокойтесь!

Они уже подошли к отелю, огромное здание которого поднималось внушительной громадой над великолепными старинными садами, от которых он и получил свое название¹. Через пять минут они были у себя в номере, снабженном всеми новейшими приспособлениями комфорта. Телефон, электричество и пианино были в их полном распоряжении. Слуга сказал, что в салоне есть и фонограф для тех из путешественников, которые ведут путевые заметки. При отъезде им вручаются фонограммы, которые только стоит вставить в другой аппарат, чтобы воспроизвести вновь пережитые впечатления.

Носильщики, в том числе и Силли, сложили свою ношу и удалились. Однако перед тем, как уйти, мальчик с наивным любопытством обошел всю комнату. Это очень насмешило путешественников.

– Ну, друзья мои, – сказал Арман, когда они остались одни, – завтра мне предстоит встреча с органами местного правопорядка. Позвольте же мне сейчас прочитать вам рапорт начальнику тихоокеанской полиции, который я заготовил еще дорогой. Мне бы очень хотелось знать ваше мнение.

Склонив голову, обе женщины выразили согласие, и Лаваред начал чтение.

---

¹ «Сентенниал-Парк» (англ.) – Столетний парк.

Глава 4. Доклад

«Его превосходительству господину начальнику тихоокеанской полиции сэру Тоби Оллсмайну.

Мы, нижеподписавшиеся, Арман Лаваред, парижский репортер и хроникер, побивший рекорд кругосветного путешествия (имея в кармане два с половиной пенса, я за год обогнул весь земной шар), жена моя Оретт Лаваред, урожденная Мирлитон, и мисс Лотия Хадор, имеем честь довести до сведения вашего превосходительства нижеследующее:

Вам, разумеется, неизвестно, какие затруднения встречает в Египте британское влияние. В стране образовалась партия так называемых новоегиптян, имеющая целью восстановление независимости долины Нила. Соперничество двух знатных фамилий Танис и Хадор в течение долгих лет мешало египтянам объединиться. Наконец, последний из Хадоров принес в жертву отечеству вековую ненависть и решил выдать свою единственную дочь Лотию за последнего представителя семьи Танис. Таким образом вражде мог быть положен конец; и все египтяне могли воссоединиться под одним знаменем.

Танис жил в Париже под наблюдением английского правительства, которое выдавало ему солидное содержание. Предупрежденный посланцем Хадора, которого звали Ниари, молодой человек, привыкший к свободной жизни, испугался предстоящей борьбы и передал все сведения в английское посольство.

В адмиралтействе пришли к выводу, что даже и при официальном отказе Таниса от участия в предстоящем восстании оно все равно вспыхнет и повлечет за собой кровопролитную и дорогостоящую войну, которой следовало бы избежать.

Было решено, что Танис притворно согласится на сделанное ему предложение, но только отсрочит исполнение, а тем временем подыщут человека, обстоятельства рождения которого позволяли бы выдать его за настоящего Таниса. Ниари, слепо преданный молодому египтянину, должен был содействовать этой подмене. В дальнейшем лже-Таниса планировалось арестовать в Египте и депортировать. Таким образом, заговор, лишенный своего вождя, сам по себе потерпел бы неудачу, а истинный Танис получил бы возможность продолжать в Париже свое праздное и веселое существование.

Все было подстроено очень искусно. Выбор египтянина пал на Робера Лавареда, уроженца Южного Алжира, выросшего на одной из ферм в пятидесяти километрах от Уаргла. Сирота, не имеющий никаких родственников, кроме меня, своего двоюродного брата, которого он никогда не видел, он как нельзя более соответствовал требованиям адмиралтейства.

Все произошло так, как было предусмотрено. Робер был внезапно схвачен, замешан, сам ничего не понимая, в египетский заговор и стал женихом мисс Лотии Хадор. Затем арестован английской полицией и отправлен в Западную Австралию. Отсюда ему удалось бежать благодаря обстоятельствам, слишком сложным, чтобы говорить о них здесь. Он убил Таниса на дуэли и вернулся во Францию.

Робер намеревался жениться на мисс Лотии, к которой успел привязаться и которая отвечала ему взаимностью. Он мечтал зажить спокойной жизнью простого гражданина. Как же! Его несчастья только начинались!

Англии для обеспечения спокойствия в Египте, необходим был Танис собственной персоной. Британскому правительству удалось добиться от правительства Франции, чтобы молодого человека вычеркнули из списка французских граждан, якобы «являвшегося ошибочно записанным в них египетским подданным».

Таким образом, Робер сразу же потерял и имя и национальность. Ему нужно было изображать из себя живого изменника, которого он сам же справедливо наказал. Ваше превосходитель-

тельство понимает, что это невозможно. Ни один порядочный человек не согласился бы носить чужое имя, в особенности имя изменника.

Чтобы жениться на своей невесте, ему необходимо было вновь вернуть свое честное имя и национальность. Но все наши попытки в этом направлении разбивались об ловкость и влияние английских агентов.

День ото дня Робер становился все мрачнее. Он начал упрекать себя в том, что своей бесплодной борьбой разбивает жизнь мисс Лотии. Все мои попытки ободрить его оставались без результата. Однажды ночью он уехал тайком из дома, где мы жили, оставив нам письмо следующего содержания:

«Кузен, и вы все, кого я люблю! Все кончено! Глаза мои открылись. Я на себя взял задачу, которая выше моих сил. Одному человеку не совладать с целым народом. Оставаясь с вами, я только смущаю ваш покой и мешаю счастью вашего очага. Я обременяю и Лотию, слишком добрую, чтобы взять назад свои слова. Мой долг – освободить ее от данного обязательства. Пусть она позабудет несчастного, пишущего эти строки, и не пытается его отыскать. В эту минуту я буду уже далеко от вас, и с каждой минутой расстояние между нами все увеличивается. Мой долг тяжел, но, исполняя его, я жертвую собою для тех, кого люблю, и это дает мне цель в жизни. С полными слез глазами я говорю вам: прощайте, прощайте навсегда! Подписано: “Тот, у кого нет больше имени”».

Рыдание Лотии прервало чтеца.

Она закрыла лицо руками, плечи ее конвульсивно вздрагивали. Оретт обняла несчастную девушку, пытаясь смягчить страдания словами надежды.

Волнение передалось и журналисту. Арман, до этого спокойно читавший рапорт, встал со своего места и тихо проговорил:

– Ободритесь, Лотия. Я не для того посвятил вас в мой доклад, чтобы вы плакали. Теперь мы в лучшем положении, чем во время чтения письма Робера. Свет надежды разгорается все сильнее. Мы найдем его.

– Я верю, но ведь положение дел остается прежним. Из уважения к памяти отца он захочет вернуть свое имя, из любви к отечеству – свою национальность.

Арман улыбнулся.

– Вот в этом-то вы и ошибаетесь. Когда я вышел на австралийский берег, – продолжал он, отвечая на вопросительный взгляд обеих женщин, – у меня появилась мысль, настолько простая, что я удивляюсь, как она раньше не пришла мне в голову. Ведь, уехав из страны вместе с вами и настоящим Танисом, Робер оставил Ниари, знакомого с той интригой, жертвой которой сделался мой кузен. Когда Робер будет с нами, мы отыщем этого молодца и по его и вашему свидетельству установим официальным актом тождественность моего кузена и вашего жениха с без вести пропавшим Робером Лаваредом, и тогда он снова займет свое место в рядах французских избирателей.

Выслушав это заявление, Оретт и Лотия радостно улыбнулись. Однако сомнения молодой девушки еще не совсем рассеялись.

– Но согласится ли Ниари? – спросила она.

– Конечно, согласится. Ведь его интересы вполне совпадают с нашими.

– Вы думаете?

– Это ясно как день. Прежде всего, Ниари египетский патриот. Раз глава заговора умер, то в его интересах, чтобы этот факт был признан и чтобы сторонники независимости Египта могли выбрать себе нового вождя для исполнения своих замыслов.

– Это верно, – проговорила невеста Робера, горячо пожимая руку парижанина. – Робер вас хорошо знал, он говорил: «Если Армана запрут в ящик, связав ему руки и ноги, ящик зальют в бетонную глыбу, а глыбу заруют в землю, то и тогда он может оттуда выбраться».

– Вы преувеличиваете, или, вернее, Робер преувеличивал. Вот уж настоящий южанин! Видно, что он родился в Алжире! По счастью, тут нет ящика из бетона, и я думаю, что нашел верное решение задачи. Я продолжаю чтение, – прибавил он свойственным ему ироническим тоном. – К тому же я не задержу вас, осталось совсем чуть-чуть. Итак... «Мы отправились на поиски беглеца. Наведя справки, как это умеют делать репортеры, эти полисмены прессы, которым репортеры правосудия – господа полисмены, зачастую помогают и умеют воздать должное, я узнал, что Робер Лаваред сел в Бриндизи на сиднейский пароход “Ботани” и не сходил с него ни в одном из промежуточных пунктов. Следовательно, он должен был прибыть в Сидней еще в июне...»

Арман умолк.

Обе молодые женщины нашли, что указания, сделанные в докладе, были достаточно понятными и могли облегчить поиски полиции. Спрятав бумагу в чемодан, Лаваред веселым тоном объявил:

– Ну, на сегодня довольно серьезных дел! Пора подумать об обеде, я прикажу подать его сюда.

Он встал и направился к телефону, но едва взгляд парижанина упал на столик у телефонного аппарата, как у него вырвалось удивленное восклицание. Там лежал свернутый листок бумаги, на котором черным карандашом было написано: «Арману Лавареду, эсквайру. Очень важно».

– Записка? Мне? – пробормотал журналист и, развернув ее, прочитал следующие строки:

«Джентльмен!

Сэр Тоби Оллсмайн, главный директор тихоокеанской полиции, весьма неохотно принимает иностранцев. Но тем не менее, если вам будет угодно завтра в шесть часов утра отправиться в парк, что у Фарм-Коув, то вы найдете сэра в кустах, окружающих статую Кука. Там вы будете иметь возможность изложить сэру Тоби ваше дело».

Несколько минут путешественники хранили молчание. Они не могли понять, как могло сюда попасть это указание, столь необходимое им в данную минуту.

– Что вы думаете делать, Арман? – спросила наконец Оретт.

– Пойти на эту встречу. В конце концов чем я рискую? Стать жертвой какого-нибудь розыгрыша? Ба! Но ведь я – парижанин, я первым посмеюсь над этой шуткой. Но сначала нужно допросить прислугу.

Сказано – сделано. Заработали электрические звонки, и вскоре вся прислуга отеля собралась в комнате, во главе с почтенным хозяином отеля, мистером Литлтингом. Но никто не мог объяснить этой тайны, и Литлтинг рассыпался в извинениях. Он был просто в отчаянии, что такой случай произошел в его отеле, всегда пользовавшемся такой безупречной репутацией. Он вышел, пообещав, что заявит в полицию о случившемся.

Однако это происшествие не помешало путешественникам пообедать с большим аппетитом. Часов около девяти они разошлись по своим комнатам и вскоре уснули.

Глава 5. Праздник в сиднейских доках

Хозяин «Сентенниал-Парк-Отеля» оказался далеко не таким философом, как его постояльцы. Взбешенный, он бродил по улицам города в поисках офицеров правопорядка. Все полицейские бюро уже были закрыты, и его попытки подать личную жалобу остались безуспешны. Одних он не заставал дома, другие отказывались его принять. А между тем в его глазах дело было нешуточное, – оно касалось доброго имени его заведения. В самом деле, что это за отель, где постояльцы получают анонимные письма, написанные, очевидно, каким-нибудь негодяем, не решающимся действовать открыто.

– Никуда не годится эта полиция! – ворчал он. – Извольте радоваться! Богатый коммерсант должен терпеть проделки какого-то прощельги, у которого нет ни гроша в кармане.

Последнее обстоятельство, то есть пустота кармана обидчика, представлялось мистеру Литлтингу неоспоримым. Он не мог допустить, чтобы богатый, обеспеченный человек смог бы позволить себе такую выходку.

Но вдруг он оборвал свой монолог, заметив впереди себя трех человек, фигуры которых показались ему знакомыми. Посередине шел высокий, плечистый господин, справа от него другой, поменьше ростом и слегка сутуловатый, слева – юноша.

– Или мне мерещится, или это и есть сам сэр Оллсмайн со своим секретарем Джеймсом Паком и дурачком Силли. Дурак же я буду, если не воспользуюсь случаем, сейчас же подать свою жалобу.

Ускорив шаг, он обогнал шедших впереди и, взглянув искоса на них, убедился, что это действительно были Оллсмайн, Пак и Силли. Они шли на праздник в доках, в надежде схватить там неуловимого корсара.

Не снимая шляпы, так как англичане не менее равнодушны к внешним выражениям почтения, Литлтинг остановился перед Оллсмайном, загородив ему дорогу.

– Здравствуйтесь, сэр Тоби Оллсмайн!

Начальник полиции с удивлением посмотрел на Литлтинга, обошедшегося с ним так бесцеремонно, но, узнав того, вежливо ответил на его приветствие.

– Мне нужно сказать вам два слова.

– Сегодня вечером я занят. Приходите завтра.

– Завтра меня задержат дела. Я буду говорить сегодня. Это займет немного времени.

Такая настойчивость даже удивила сэра Оллсмайна. Он молча посмотрел на своего собеседника.

– Сегодня вечером, – продолжал Литлтинг, принимая его молчание за согласие, – сегодня вечером кто-то позволил себе подкинуть в комнату одного из моих постояльцев вот это письмо.

И он подал Оллсмайну бумагу, которая так заинтересовала Лавареда. При свете электрического фонаря начальник полиции пробежал письмо глазами.

– Лаваред, – сказал он вполголоса. – Я почему-то помню это имя.

Пак и Силли слегка вздрогнули и обменялись быстрыми взглядами.

– Лаваред, – равнодушным тоном сказал Пак, – этим именем назывался человек, захваченный в Южной, нет, в Западной Австралии... Вы помните... он был замешан в египетском вопросе.

– А, помню, помню! Ну, наверно, другой. Тот сюда не вернется! Однако завтра разберемся.

Такая задержка совсем не нравилась Литлтингу.

– А тем временем разнесется слух о скандале в моем отеле.

– Ах, оставьте меня в покое, – сказал Оллсмайн, начиная терять терпение. – Ведь вам сказано, что сегодня я занят. Скажите вашему постояльцу, чтобы он не беспокоился. Конечно,

я и не подумаю отправиться на это дурацкое свидание. А завтра вы расскажете мне о своих подозрениях.

– Я это сделаю сегодня. Мою прислугу я не подозреваю. Прислуга у меня отборная, с наилучшими рекомендациями. Но в помещение господина Лавареда входили трое посторонних: два носильщика и вот этот мальчик.

– Силли?

– Да.

– Ну уж Силли-то тут ни при чем, – живо возразил Джеймс Пак. – Но я позволю себе, господин директор, посоветовать вам не говорить господину Лавареду, чтобы он не ходил на свидание. Может быть, какие-то злоумышленники хотят его ограбить или причинить ему какой-нибудь другой вред. Пусть он отправится в парк, а мы отрядим туда несколько полисменов, чтобы они могли защитить его и в то же время арестовать злоумышленников.

Сэр Оллсмайн склонил голову в знак согласия. Секретарь без церемоний отстранил Литтинга, и тот остался один, проклиная бездеятельность полиции вообще и сэра Оллсмайна в частности. Но те были уже далеко и не слышали его возмущений.

Праздник в доках становился все оживленнее. Значительная часть набережной была ярко иллюминирована. Гирлянды венецианских фонарей и стеклянных шариков причудливыми арабесками выделялись на темном фоне неба, все архитектурные линии складов сияли электрическими огнями. В промежутках между зданиями были построены балаганы, у которых толпился народ. Гром медных труб, паровых органов и других музыкальных инструментов смешивался в невообразимую какофонию, которая еще больше будоражила веселье толпы, теснившейся у балаганов и лотков разносчиков.

Праздник доков в Сиднее – почти национальный праздник. Поэтому здесь встречаются все классы общества, и почтенная (все «почтенно» в стране, где говорят по-английски) корпорация карманных воров также не забывает почтить этот праздник своим присутствием и любезно облегчает карманы своих сограждан от кошельков, бумажников и ценных предметов, которые те имеют неосторожность брать с собой на праздник.

Оллсмайн и его спутники уже подходили к месту празднества.

– Не отходи от меня, Силли, – сказал начальник полиции. – Если ты увидишь человека, который утром давал тебе афиши, то укажешь его мне.

Силли склонил голову в знак согласия. Все трое замешались в толпу, но в это время перед ними точно из-под земли вырос полицейский агент.

– Ваше превосходительство, – сказал он. – Я сейчас стоял на посту возле цирка Манки, и ко мне подошел какой-то человек, который указал на мужчину, входившего в балаган: «Это корсар Триплекс, – сказал он, – тот самый, кто написал сегодня сообщение сэру Тоби Оллсмайну».

– Где же этот человек?

– Он затерялся в толпе прежде, чем я успел в него всмотреться.

– Какая досада! – с нетерпеливым жестом сказал Оллсмайн.

– Я думаю, ваше превосходительство, что если мы найдем Триплекса, то нам нет никакого дела до этого человека.

– Тем более, – подтвердил Джеймс Пак, – что господин этот не замедлит явиться за получением премии, назначенной за выдачу корсара.

Это замечание, видимо, несколько успокоило начальника полиции.

– Пожалуй, вы и правы, – сказал он. – Ну что же, вы арестовали этого бандита? – прибавил он, обращаясь к полицейскому.

– Нет, я не хотел мешать представлению. Я поставил пока у цирка четырех дюжих молодцов с кастетами и на всякий случай с кандалами. Как бы ни был силен этот Триплекс, ему от них не вырваться.

– Значит, на вид он очень силен?

– Да, он высокого роста и силен, как атлет. У него голубые глаза и большая белокурая борода.

– Наконец-то у нас есть его приметы, – радостно потирая руки, сказал сэр Оллсмайн. – Ну, господа, не станем терять времени, идем к цирку.

Они пошли настолько быстро, насколько им позволяла толпа, и скоро подошли к цирку.

Площадка перед цирком была пуста, а изнутри слышались громкие крики «браво» и аплодисменты. Очевидно, представление было в самом разгаре. У подножия деревянной лестницы, служившей для входа в цирк, неподвижно, как статуи, стояли четыре человека.

– Мои люди, – сказал агент.

– Хорошо, хорошо! Но, вероятно, представление через несколько минут закончится. Не могли бы вы показать мне этого корсара?

– Можно, ваше превосходительство. Я провертел дырочку со стороны, противоположной входу. Угодно вам пожаловать за мной?

Начальник полиции пошел за агентом, и вскоре тот подвел его к небольшому отверстию, вырезанному в полотне балагана.

– Взгляните туда, ваше превосходительство, он сидит в первом ряду, как раз напротив вас.

Оллсмайн взглянул в дырочку и действительно увидел в первом ряду человека с большой белокурой бородой. Начальник полиции даже вздрогнул от радости. Бородач, видимо, наслаждался зрелищем: он оперся локтями на барьер и с улыбкой смотрел на головоломные упражнения клоуна.

– Он и не думает, что его ожидает при выходе, – прошептал Оллсмайн на ухо секретарю.

– По всей вероятности. Откуда же он может знать, что его уже выдали?

Сэр Оллсмайн снова погрузился в свои наблюдения, он испытывал особое чувство удовлетворения. Теперь он видел того врага, который приводил его почти в ужас чудовищной быстротой своих движений и дел.

– Ну, довольно теперь веселиться! – ворчал он сквозь зубы. – Кончились твои шуточки над нами. Виселица скоро избавит нас от них.

Вдруг он замолчал. На арену вышел сам мистер Манки, хозяин цирка, и, поблагодарив «достопочтенных зрителей», объявил, что представление закончилось.

– Скорее к выходу! – приказал Оллсмайн.

Они почти бегом кинулись к выходной лестнице, полицейские были на местах. Джеймс Пак и Силли с любопытством остановились внизу лестницы. Оллсмайн поместился рядом с ними, не замечая загадочной усмешки, которая виднелась на губах у того и другого.

Поднялась холщовая занавеска цирка, и толпа высыпала на верхнюю площадку и стала спускаться по лестнице. Движение было настолько медленно, что начальник полиции мог рассмотреть каждого в лицо. К тому же узнать того, которого они ждали, было особенно легко благодаря его большой бороде.

Толпа начинала уже редеть, а его все не было. Наконец прошли и последние зрители, занавес снова опустился. Цирк был пуст, а корсар Триплекс из него все еще не выходил. От удивления сэр Оллсмайн и его помощники не могли сдвинуться с места. Наконец из груди начальника полиции вырвалось бешеное восклицание, и он бросился вверх по лестнице. За ним взбежали и все остальные. Мистер Манки в своем черном фраке стоял посреди арены, давая указания сторожам, разравнивавшим арену граблями. Он готовился дать последнее представление, пока еще не погасили иллюминацию.

– Позвольте, позвольте, господа! – воскликнул он. – Сейчас будет еще представление, дайте только убрать.

– Дело не в представлении, – проворчал директор. – Нам нужно арестовать негодяя.

– Среди моих артистов нет негодяев.
– А кто вам это говорит? Он был в числе зрителей и должен был выйти отсюда.
– Через дверь! – перебил его с видом оскорбленного достоинства Манки. – По окончании представления я стоял вместе с моими сторожами у двери. Публика полностью вся разошлась.
– Однако мы осмотрели всех, и никто не подходил к его приметам.
– К каким приметам?
– Он высокого роста, с большой белокурой бородой.
– До сих пор? – показывая себе на грудь, пропищал один из клоунов. – Я его видел и подумал еще: «Слишком хороша борода, чтобы быть настоящей!»
– Что?! – вскричали все присутствующие.
– Ну да, борода была фальшивая.
– Фальшивая! – проревел Оллсмайн так, что все даже вздрогнули. – Фальшивая?
– Самая что ни на есть фальшивая. Я обратил внимание на этого джентльмена перед его уходом из цирка. Вдруг он – крик-кряк! – сорвал свою бороду и сунул ее в карман.

Начальник полиции даже запыхтел от злости.

– Вы уверены в том, что говорите? – спросил он сдавленным голосом.

– Вполне уверен.

И, подойдя к тому месту, на котором Оллсмайн видел своего неуловимого противника, он проговорил:

– Он сидел вот здесь.

Для большей убедительности клоун ударил ладонью по бархату барьера и вдруг отдернул руку.

– Ай! – вскричал он. – Я чем-то укололся!

Все быстро нагнулись и увидели приколотую к барьеру визитную карточку.

Оллсмайн быстро схватил ее, взглянул и нечеловеческим голосом закричал от охватившего его гнева.

На карточке стояло:

*«Корсар Триплекс дает благой совет сэру Оллсмайну:
Нечего пытаться схватить того, кто ВЕЗДЕСУЩ!»*

Триплекс не только ускользнул, он еще и посмеялся над своими преследователями.

В это время в цирк вбежал, запыхавшись, полицейский агент и сообщил Оллсмайну, что корсар Триплекс находится в игорном доме Джонса Закома, то есть на другом конце набережной.

Бешенство Оллсмайна достигло крайних пределов. Он обрушился на ничего не понимающего агента градом самых грубых ругательств. Наконец, придя немного в себя и успокоившись, он спросил:

– Как вы его узнали?

– По приметам, разосланным на все полицейские посты агентом Барли, который сейчас находится с вами.

– Каким приметам?

– Высокий рост, голубые глаза, длинная белокурая борода.

Несмотря на бешеные взгляды Оллсмайна, все цирковые служители громко расхохотались. Действительно, это преследование корсара, потерявшего и вновь находившего свою бороду, становилось забавным. К тому же в Австралии, как и везде, народ, отдавая справедливость деятельности полиции, тем не менее испытывает тайную нежность к тем, кто ее надувает.

– Хорошо, – сказал Джеймс Пак, предупреждая град новых ругательств из уст своего начальника. – Мне кажется, что теперь мы должны отправиться в этот игорный дом, может быть, если мы поспешим...

Эти слова успокоили сэра Тоби, подарив ему луч надежды. Он покинул цирк и, изо всех сил работая локтями, кинулся вдоль набережной. Все последовали за ним. Вскоре они прибыли к дому с ярко освещенными окнами, где у входа их встретил полицейский, протянувший начальнику полиции письмо.

– Что это такое?

– Не знаю, ваше превосходительство. Какой-то молодой человек дал мне это письмо для передачи вам.

Джеймс Пак снова обменялся с Силли легкой усмешкой.

Оллсмайн лихорадочными движениями разорвал конверт и вытащил оттуда карточку, на которой стояло назойливое имя

«Корсар Триплекс».

А внизу было приписано карандашом:

«Очень сожалею, что не мог подождать вас, сэр Оллсмайн.

Наша встреча должна произойти не у Джонса».

На этот раз начальник полиции даже не ругался. Его даже охватила какая-то боязнь перед этим человеком, который осмеливается шутить со всей сиднейской полицией, поставленной на ноги для его ареста. Сперва он не верил в возможность появления корсара сразу в нескольких местах, теперь ему приходилось убеждаться в этом на опыте. Это граничило с чудом и начинало казаться опасным. Не зная, что предпринять, Оллсмайн замер на месте, пытаясь собраться с мыслями.

В это время к нему подошел человек небольшого роста в одежде рабочего. Из-под старой фуражки с облезлым козырьком выбивались непослушные пряди черных волос. Он бесцеремонно положил руку на рукав Оллсмайна и проговорил:

– Так премия в четыре тысячи фунтов все-таки будет выплачена тому, кто выдаст корсара Триплекса? Это я вам писал сегодня утром, – прибавил он тише.

Глава 6. Зеленые маски

Шеф полиции вместо ответа разразился бранью:

– Вы издеваетесь? Снова хотите сделать из меня посмешище?! Вы ведь знаете, что корсар смеется над нами! Без сомнения, это он вас послал!.. Ну да, конечно... вот возьму сейчас вас и арестую!

Рабочий спокойно переждал этот поток слов. И когда Оллсмайн остановился, чтобы перевести дыхание, он медленно проговорил:

– Если вы мне не верите, то велите одеть мне на руку кандалы и идите за мной. Я проведу вас в тот дом, где сэр Триплекс сидел весь вечер и что-то писал.

При этом предложении гнев Оллсмайна сам собою утих. Предложение рабочего победило его недоверие.

– Вы уверены, что мы его захватим? – спросил он более мягким тоном.

– Да, если мы не станем терять времени. Вы меня понимаете?

– Значит, нам нужно сейчас идти?

– Вот именно.

– Ну, ведите.

Начальник полиции хотел было уже позвать Пака, Силли и своих агентов, но незнакомец удержал его за руку:

– Вы слишком торопитесь. Прикажите мне сначала надеть наручники.

– Вам угодно шутить?

– Нисколько, но все нужно предвидеть. Я не хочу, чтобы в случае неуспеха вы сомневались в моей искренности.

Видя, что Оллсмайн еще колеблется, он добавил:

– Пожалуйста, поскорее, время не терпит.

Действительно, мешкать было некогда. На незнакомца надели колодки. Он с довольным видом взглянул на это украшение, которое всем внушает такой ужас.

– Ну, я готов, – сказал он веселым тоном.

– Идем!

Незнакомец, тяжело ступая, двинулся вперед, остальные последовали за ним. Джеймс и Силли замыкали шествие. Мальчуган положил свою руку на рукав Пака. Его рука заметно дрожала.

– Не бойтесь, Силли, – тепло шепнул тот. – Ведь вы верили в искренность моих слов. Час, о котором я вам говорил, наконец настал.

Мальчик, охваченный каким-то непонятным волнением, поднял на него глаза, полные слез.

– Успокойтесь, на нас могут обратить внимание.

– Да, Джеймс, вы правы, я буду тверд.

– Вы должны быть тверды, Силли. Можете вы идти?

– Да, кажется.

– Подойдем к Оллсмайну. Надобно, чтобы он все время нас видел.

Они пошли быстрее и вскоре нагнали начальника полиции. Место праздника, сиявшее огнями, осталось позади, перед ними лежали темные улицы, в домах все спали. Их шаги громко раздавались в тишине ночи. Иногда им встречался запоздалый путешественник и с боязнью и любопытством всматривался в группу полицейских. Иногда им встречался полицейский патруль, и, когда полисмены узнавали директора, слышались тихие замечания:

– Начальство само принялось за работу. Видимо, что-то серьезное!

Они прошли мимо почтамта – огромного здания в итальянском стиле, с величественной гранитной колоннадой, миновали высокую башню ратуши, а рабочий все шел да шел.

Когда они очутились в предместье, проводник вдруг остановился перед узким и темным переулком.

– Мы у цели, – прошептал он.

Оллсмайн измерил взглядом глубину улицы.

– Здесь?

– Да, метров двадцать отсюда, в маленьком домике. За домом сад и несколько проходов. Надо бы сперва оцепить его.

– Чтобы наша дичь не убежала? Вы правы.

Оллсмайн отдал приказ, и полицейские группами по два-три человека исчезли в соседних улицах. Около начальника остались: один из агентов, Джеймс Пак и маленький Силли. Последний был бледен как смерть и весь дрожал.

– Мы вчетвером встанем возле двери, – сказал Оллсмайн. – У меня есть револьвер. А у вас, мистер Пак?

– И у меня тоже.

– Так идем.

Рабочий вошел в переулок, шел он на цыпочках, стараясь не шуметь. Остальные последовали его примеру.

Пройдя шагов тридцать, проводник остановился перед небольшим домиком с закрытыми ставнями и тяжелой дубовой дверью, около которой был подвешен медный молоток. Между щелями ставен виднелся свет. Рабочий указал на этот свет пальцем. Все поняли значение этого жеста.

Корсар Триплекс был здесь!

Чувство полицейского перед арестом важного преступника похоже на чувство охотника. Все тело Оллсмайна трепетало нервной дрожью. Казалось, он видел своего врага сквозь ставни, пишущим при свете. Он представлял себе его ужас, когда он увидит, что выхода для него нет. В эту минуту Оллсмайн был счастлив. Арест этого человека избавлял его от того крайнего напряжения, в котором он находился все время и который открывал ему путь к новым почестям. Теперь он мог надеяться на все. В его ушах уже звучал титул лорда, титул, который он в своем наивном тщеславии считал как нельзя более подходящим для своей фамилии.

В тишине раздался свисток. Это означало, что дом был оцеплен. Порывистым жестом Оллсмайн выхватил револьвер, а левой рукой схватил молоток, три раза стукнул в дверь и проговорил стереотипную фразу:

– Именем королевы, отворите!

Но даже еще не договорил, как дверь быстро отворилась.

Начальник полиции остолбенел. Он не привык, чтобы преступники с такой готовностью повиновались требованиям полиции. Какие-то тени появились в проеме двери, Оллсмайн, Джеймс Пак, Силли и агент были схвачены чьими-то сильными руками, обезоружены, втащены в дом, и тяжелая дверь со стуком захлопнулась за ними. Оллсмайн не успел прийти в себя, как ему обернули голову куском материи, заглушившим его крики, оттащили его от спутников и понесли по лестнице. Его несли по каким-то залам, коридорам, потом он почувствовал, что его вынесли на воздух. Здесь его поставили на ноги.

– Садитесь! – проговорил чей-то грубый голос.

Он почувствовал, что его втокнули в карету, которая тут же быстро покатилась. Оллсмайн поднял было руку, чтобы снять с головы материю, но ему не позволили это сделать.

– Не любопытничай! У нас это запрещено.

Тон, которым это было сказано, не предвещал ему ничего хорошего. Из весьма понятной осторожности Оллсмайн притих. Тем не менее он не был лишен возможности слышать и по

слуху угадал, что карета выехала за город: под колесами раздавался хруст щебня шоссе, тогда как в городе все улицы были вымощены деревом. Это наблюдение было вовсе не утешительно для пленника. Очевидно, он теперь был в полной власти корсара, а тот своим поведением обнаруживал далеко не нежные чувства по отношению к сэру Оллсмайну. Вместе с тем начальник полиции прекрасно знал, что в Австралии лишь небольшая часть прибрежной полосы пользуется благами цивилизации, а на внутренность материка полиция не имеет никакого влияния, и в этой пустыне, площадью равной Европе и населенной всего тремя с половиной миллионами жителей, действует лишь одно право – право сильного. Очень легко отделаться от врага вне очагов цивилизации. Пустыня не выдает преступников, и в ней нельзя найти свидетелей преступления.

В этих размышлениях было мало веселого. Неудивительно, что по телу Оллсмайна струился холодный пот. В таких обстоятельствах даже храбрый из храбрых не сохранил бы хладнокровия. Нет ничего ужаснее, как быть во власти врага и знать, что он может убить вас, не боясь ответственности.

Однако тюремщики сэра Оллсмайна, по-видимому, не имели желания везти его в пустыню, колеса скоро снова загремели по мостовой, и карета покатила медленнее. По тому, как гулко раздавался стук копыт и грохот колес, сэр Оллсмайн понял, что они въехали в какой-то двор. Вскоре карета остановилась. Пленника снова подхватили под руки и вытащили из экипажа. Он вошел по какой-то лестнице в семь ступеней, потом его шаги прозвучали по плитам вестибюля, наконец, он почувствовал под ногами паркетный пол. Его провели по нескольким комнатам и, наконец, усадили на стул.

– Можете снять с головы капюшон, – услышал он.

Оллсмайн не заставил повторять приказания и тут же сорвал капюшон, но то, что он увидел, едва не заставило его раскатыться в своей поспешности.

Он увидел себя посреди большой залы, где не было никаких украшений. Против него, за столом, покрытым до полу красивым сукном, неподвижно сидели три человека, – закутанные в зеленые мантии с такими же капюшонами. Лица их были также закрыты, только на месте ртов и глаз темнели отверстия. Вокруг пленника стояли на страже несколько человек в одежде матросов. Их лица также были закрыты зелеными масками.

Оллсмайн хотел заговорить, но тот, кто сидел посередине, знаком приказал ему молчать. Потом он обратился к матросу, стоявшему у стола, около аппарата, назначения которого сэр Оллсмайн не понимал.

– Секретарь, – произнес этот человек серьезным и бесстрастным тоном, – готов ли фонограф?

– Да, капитан.

– Приведите его в действие для записи допроса.

Аппарат шелкнул. Тот, кого называли капитаном, протянул руку к Оллсмайну и сказал тоном председателя суда:

– Ваше имя?

Пленник вспыхнул от гнева. Как! Его, начальника полиции, смеют допрашивать, как преступника?! Нет, этого он не допустит!

– Я не желаю отвечать, – сухо проговорил он. – Я не признаю за вами право допроса.

«Капитан» только раз пожал плечами и равнодушно проговорил, обращаясь к страже:

– Развяжите язык обвиняемому.

В руках стражников блеснули ножи, и Оллсмайна охватил ужас.

– Вы посмеете убить человека? – пробормотал он.

– Дикого зверя можно убить без всякого колебания. Но время дорого... В последний раз спрашиваю ваше имя...

– Сэр Тоби Джошуа Сэмюел Оллсмайн, – пробормотал укрощенный начальник полиции.

– Возраст?

– Сорок семь лет.

Председатель импровизированного суда заглянул в лежавшие перед ним бумаги.

– Так, – сказал он. – Вы – сын бедных эмигрантов, поселившихся на берегу реки Лаклана в Новом Южном Уэльсе?

– Да.

– Молодым человеком вы поступили в ряды сиднейской полиции. Вы были честолюбивы. Правда, вы были вместе с тем хорошим работником. Не имея средств для получения образования в школе, вы учились сами. Тем не менее до тридцатилетнего возраста вы не могли выбраться из низших должностей?

– Да.

Сэр Тоби говорил глухим голосом. Его лицо отражало смутное беспокойство.

– Каким образом в течение шестнадцати лет вам удалось добиться поста начальника тихоокеанской полиции, поста, который предоставляет вам неограниченную, почти королевскую власть?

Обвиняемый молчал.

– Я отвечу за вас, тем более что мы здесь находимся исключительно по этому поводу. Когда вам было тридцать лет, вам удалось быть представленным лорду Грину, богатому, знатному англичанину, приехавшему в Австралию для лечения неизлечимого сплина. Ваш разговор, ваши рассказы о случаях вашей полицейской практики несколько развлекли его. Он пожелал вас вознаградить за это и употребил в вашу пользу свои связи и связи семьи мисс Джоан Харг, которой тогда было девятнадцать лет и на которой лорд Грин вскоре должен был жениться. Через два года вы сделали начальником сыскного бюро и стали постоянным гостем в доме лорда Грина. В том самом доме на Парамата-стрит, где вы теперь живете.

При последней небрежно брошенной фразе сэра Тоби побледнел. Но капитан, по-видимому, не обратил внимания на эту подробность и продолжал:

– Все было так, как я говорю? Вы согласны?

– Согласен.

– Прекрасно. Дальше. При каждом удобном случае вы выражали вашим покровителям самую трогательную благодарность. В то же время у лорда Грина пропала фамильная миниатюра, которую он высоко ценил.

– Да, и я нашел вора, – перебил его Оллсмайн. – Я исполнил свой долг, и никто не может упрекнуть меня в этом.

– Никто и не думает упрекать вас, – с легкой иронией возразил капитан, – напротив, это делает честь вашей ловкости. Без вас никто бы не мог заподозрить Джо Притчелла, двоюродного брата госпожи Джоан, круглого сироту, которого она приютила и воспитывала.

Человек, сидевший справа от оратора, слегка вздрогнул.

– Миниатюра, – продолжал капитан, – была найдена в вещах Джо. Мальчику тогда было пятнадцать лет. Он отрицал свою вину, но в ней не было никакого сомнения. Однако леди Джоан не захотела оставить мальчика на произвол судьбы, она только отправила его в Англию, чтобы он не жил с нею вместе, и продолжала платить за его обучение. В Англии он и живет до сих пор.

– Это всем известно, – сказал сэр Тоби.

– Вы хотите сказать, что не удивляетесь моим сведениям об этом деле? Вы вполне правы. Но есть вещи менее публичного характера, которые я знаю не менее подробно.

Угроза, скрытая в этих словах капитана, заставила обвиняемого склонить голову.

– Через некоторое время маленькая дочь лорда Грина и леди Джоан, которую прислуга почтительно называла мисс Маудлин, заболела какой-то странной болезнью, не то бессилием, не то чахоткой. Врачи были не в состоянии открыть причину болезни. Они намекали на вред-

ные условия городской жизни, на необходимость свежего воздуха. Ваша мать, Оллсмайн, была еще жива, и вы предложили доверить ребенка ей. Там, говорили вы, в маленькой ферме на берегу реки Лаклана, Маудлин быстро поправится, а вам будет приятно сознание, что тот воздух, который дал здоровье вам, возвратит его и дочери ваших благодетелей. К тому же, по вашим словам, на свою мать вы вполне полагаетесь, а доверить ребенка незнакомому человеку неприятно, а порой и опасно. Все случилось так, как вам было нужно. Ребенок был отправлен к вашей матери...

Начальник полиции поднял голову.

– Ну и что дальше? Что же в этом преступного?

В смехе капитана слышалась ирония.

– Вы задаете весьма полезный вопрос, Оллсмайн, но немного торопитесь. Скоро я вам на него отвечу. А пока продолжу рассказ. На семью лорда Грина обрушивалось несчастье за несчастьем. Сам лорд вскоре был убит на охоте. Шальная пуля попала ему прямо в сердце. И никто не узнал, кем был сделан этот роковой выстрел.

– Несчастный случай.

– Этот случай был не последним. Вдова едва успела оправиться от этого удара, как на нее обрушился новый. Ваша мать в ужасе приехала в Сидней и сообщила, что маленькая Маудлин упала в реку и что ее унесло течением, а тело ее не было найдено. Никто не видел, как это случилось. Нашли только опрокинутую лодку. Предполагалось, что девочка убежала с фермы, села в лодку, веревка оборвалась, ну и так далее...

Тоби молчал.

– Каково ваше мнение о смерти этой девочки, Оллсмайн? – проговорил таинственный судья.

Обвиняемый как будто смутился. Однако он сумел быстро оправиться и проговорил твердым голосом:

– Я принял то объяснение, которое вы сейчас дали. Как и все прочие, я не знаю всей истины.

– Вы не знаете? – прошептал капитан.

Начальник полиции содрогнулся. Не обращая на это никакого внимания, капитан продолжал:

– Отчаяние леди Джоан не имело границ. Может быть, она жаждала смерти, как освобождения... если бы не ваша дружба.

Трудно передать, с какой иронией было произнесено последнее слово.

– Каждый день вы являлись к ней, осыпали ее утешениями, чуть ли не силой принуждали ее развлекаться и всюду показывались с нею вместе. Благодаря вашим стараниям молва уже называла господина Оллсмайна ее будущим мужем. Страх перед одиночеством, намеки знакомых, желание сохранить вашу дружбу – все это заставило ее отдать вам руку.

– Я действовал под влиянием глубокой привязанности, – попытался возразить Оллсмайн.

– Неправда! В вас говорило одно только честолюбие! Брак этот был тем, чего вы добивались все это время. Он давал вам возможность, пользуясь связями покойного лорда, достичь того положения, которое вы теперь занимаете, положения, дающего вам возможность руководствоваться одной лишь своей волей и не знать другого закона, кроме своей тирании.

Оллсмайн попытался что-то сказать. Человек в зеленой мантии остановил его повелительным жестом. Голос его загремел под сводами зала:

– Я, корсар Триплекс, обвиняю вас, Оллсмайн, в следующем. Во-первых, вы спрятали миниатюру в вещах Джо Притчелла, потому что мальчик стеснял вас своим пронизательным умом. Во-вторых, вы убили вашего покровителя лорда Грина. Он тоже уже начал мешать вашим планам. В-третьих, вы устроили похищение Маудлин Грин с помощью преступника, которому предложили выбор между наказанием и милостью. Человек этот не поколебался

взять на себя это мрачное поручение и утопить ребенка, который мог бы защитить свою мать от вашей лживой привязанности...

Рыдание прервало эту пламенную речь. Человек справа от оратора порывисто поднялся со своего места и схватил себя за голову. Это быстрое движение открыло капюшон, и из-под него выбилась прядь золотистых вьющихся волос.

Быстрым движением капитан поправил капюшон, но Оллсмайн уже успел заметить белокурые локоны. На его лице промелькнуло удивление.

– Волосы как будто Силли! – прошептал он.

Но капитан снова повернулся к нему, и лицо Оллсмайна приняло прежнее бесстрастное выражение.

– Став первым лицом на берегах Тихого океана, вы поставили свой произвол выше закона, вы безжалостно притесняли тех, кого должны были защищать. Спрошу лишь о вашем последнем преступлении. Почему вы заключили в тюрьму египтянина по имени Ниари? А, вы молчите? Так я отвечу за вас. Вы бросили этого несчастного в тюрьму только за то, что он раскаялся во лжи, обманув свой народ. Вы знали, что этим вы губите француза, чуждого египетским интригам, что вы отнимаете у него честное имя Робера Лавареда и отдаете ему взамен покрытое позором имя изменника Таниса.

– Лаваред! – повторил Оллсман, вспомнив, что уже слышал сегодня это имя. – При чем тут Лаваред?

Капитан хотел отвечать, но его сосед слева дернул его за руку. Наступило молчание. Наконец обвинитель заговорил снова:

– Я привел этого Лавареда в пример, как мог бы привести и сотни других. Но пора заканчивать. За ваши преступления вас следовало бы убить, но я хочу, чтобы истина стала известной всему миру. Не мести, а исправления зла, которое вы причинили, хочу я добиться, потому что в вашей могиле будет похоронена и истина. Вы в вашем положении неуязвимы. Всякое обвинение разобьется о пьедестал власти, на котором вы стоите. Вас нужно сбросить на землю, и я вас сброшу. Ничто не может так легко лишит вас власти, как смешное положение. Насмешка убивает. И я, корсар Триплекс, приговариваю вас к насмешке. Завтра же вы станете посмешищем всего города. Пройдет еще несколько дней, и вы станете посмешищем уже всей Британской империи. Не думайте даже бороться. То, что я с вами сделаю, докажет всем, что я мог истребить вас, но довольствовался только тем, что посмеялся над вами. Все воздадут должное моему великодушию. Вы будете обязаны мне жизнью до тех пор, пока я не передам вас в руки правосудия.

Ни одного звука не вырвалось из горла Оллсмайна, его свело судорогой. Он боялся. Да, боялся, потому что последние слова капитана вонзились в мозг шефа полиции, как стальные когти. Его враг знал, чем с ним можно бороться. Стать всеобщим посмешищем, потерять свою власть для Оллсмайна было страшнее смерти. И, кроме того, как мог знать этот человек те подробности, которые, как считал сэр Тоби, известны только ему одному? А в бичующем обвинении корсара все было истиной, все до последнего слова. В этом смятении мыслей только один проблеск маячил перед Оллсмайном: его не убьют. Значит – он сможет начать отчаянную борьбу. И потом, эти волосы, похожие на волосы Силли... Разве они не указывали ему на след? Разве не давали ему возможности добраться до того, кто ему угрожал?

Но его размышления были прерваны. По знаку капитана матросы опять схватили сэра Тоби, тканью обернули ему голову, связали руки и подняли на воздух. Он не сопротивлялся – это было бы бесполезно. Его вынесли наружу, втолкнули в карету, и колеса снова загремели по мостовой.

Глава 7. Интервью с повешенным

Спустя час карета остановилась. Директора полиции выволокли из нее без всякой церемонии. Он слышал какие-то тихие голоса, чувствовал, что его обвязывают веревками, продевают их под мышки, потом надевают ему на шею какой-то предмет на цепочке.

Вдруг раздался чей-то громкий голос:

– Тащи, ребята!

С него сорвали капюшон. Но не успел он оглянуться, как почувствовал какой-то мощный толчок, непреодолимая сила подняла его в воздух, и он повис. Послышались быстро удалявшиеся шаги. Какие-то тени мелькнули в темноте. Потом снова все стихло. Слышалось только трепетание листьев.

Сэр Тоби в ужасе огляделся кругом. Он висел на высоте двенадцати футов от земли. Веревки опутывали его грудь, от них шел конец, поднимавшийся над его головой и укрепленный на четырехгранном бруске, который смутно вырисовывался в темном небе и под прямым углом примыкал к другому вертикальному бревну. Чтобы лучше видеть, Оллсмайн повернул голову. От этого движения веревка закрутилась, и начальник полиции медленно повернулся вокруг своей оси. У него вырвался крик ужаса и негодования. Он увидел, что висит на виселице. Итак, начальник тихоокеанской полиции был повешен. Правда, тут не было намерения убить его, он мог дышать совершенно свободно. Не будь у него воспоминаний о тайном судилище, он мог бы думать, что его подвесили с медицинской целью, так как такой способ практикуется при некоторых нервных болезнях. Хотя в положении Оллсмайна не было прямой опасности, тем не менее оно казалось ему ужасным. Вид виселицы на всякого производит тяжелое впечатление. Каково же было человеку, ремесло которого состоит в том, чтобы вешать своих ближних, увидеть самого себя болтающимся на виселице – этом символе английского правосудия.

К физическому ужасу вскоре присоединились и нравственные страдания. С непоколебимой логикой, указывающей на то, что при исключительных обстоятельствах начальник тихоокеанской полиции не терял способности рассуждать, Оллсмайн понял, что не вечно же он будет висеть между небом и землей.

Сам он не имел никакой возможности освободиться. Отсюда единственный вывод – заняться этим должны другие. Но кто же эти другие? Граждане Сиднея? Те самые граждане, которых одно его имя приводило в трепет? И вот они-то увидят его на виселице! Ему вспомнились слова корсара Триплекса: «Насмешка убивает. Я приговариваю вас к насмешке».

Да, никогда еще сэру Тоби не приходилось сталкиваться с таким дьявольски изобретательным врагом! Он ясно понимал, что завтра, как только его несчастье станет известным, весь город будет хохотать до слез, до истерики! Его престижу будет нанесен смертельный удар. У всякого другого на месте сэра Оллсмайна опустили бы руки, но он был не из таких.

Борьба была его стихией, препятствия не пугали, а только раздражали его.

– В конце концов, – пробормотал он, – все еще может быть спасено. Кто умеет мстить, тот не бывает смешон. Я уже держу в руках нити интриги. Силли... положительно, это его волосы. Не прав ли был хозяин отеля в своих подозрениях?.. Да, в записке, адресованной этому Лавареду, – его тоже нужно взять на заметку – в записке было написано, что он встретит меня у статуи Кука. Не в этом ли месте я вишу?

Начинало светать, повешенный огляделся вокруг. Виселица стояла на площадке, от которой отходило несколько темных аллей, но деревья заслоняли вид, поэтому Оллсмайн не мог точно определить, где он находится. Но по мере того как становилось все светлее, между деревьями появлялись просветы и горизонт ширился. Вдруг Оллсмайн вскрикнул. Сквозь ветви виднелось что-то белое...

– Это статуя! – вскричал Оллсмайн. – Ну, значит, ничего еще не потеряно! Если этот Лаваред придет раньше всех, то я сумею заставить его молчать. Только бы в отеле не отговорили его идти на свидание. А если он придет, – только один человек и будет знать об этом случае. В моем положении и это победа. А потом, не говоря ни слова даже Паку, который будет смеяться, я устрою секретный надзор за Силли. Я чувствую, что этим путем доберусь до Три-плекса, а мой инстинкт еще никогда меня не подводил.

Начинало всходить солнце. Его лучи позолотили вершины деревьев и разбудили птиц, которые с пугливым щебетанием смотрели на человека, висевшего в воздухе. Оллсмайна охватили новые опасения, когда на башне пробило пять часов.

– Скорей бы появился этот Лаваред, – бормотал он. – Да нет, раньше шести и думать нечего его ждать! Только бы меня никто не увидел до его прибытия. Главное – избежать смешного положения, это не невозможно: парк отпирается в шесть часов. А все-таки...

И он покачал головой, но при этом движении почувствовал боль в руках. Он только теперь обратил внимание, что на его шее, на цепочке болтается какой-то предмет. При его движении он закачался, и цепочка начала натирать ему шею. Опустив голову, он заметил на своей груди четырехугольную дощечку, на которой он видел буквы, которые не смог прочитать, так как при его движениях веревка закачалась, и он почувствовал головокружение.

Мало-помалу, подобно маятнику, предоставленному самому себе, Оллсмайн снова неподвижно повис в воздухе. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Только приближение шести часов ободряло его. Без десяти минут шесть отворятся ворота парка... ах, только бы он не опоздал, этот Лаваред!

В самом деле, ведь этот незнакомец не мог ничего иметь против Оллсмайна. Может быть, впрочем, он был родственником Робера Лавареда и тоже знал историю Ниари. Это было бы для Оллсмайна неприятным осложнением, потому что корсар говорил правду.

Действительно, несколько месяцев назад Ниари явился к Оллсмайну и рассказал ему весь ход интриги, обратившей Робера Лавареда в Таниса. Из желания угодить своим африканским коллегам, Оллсмайн без дальних разговоров заключил беднягу Ниари в тюрьму, и он до сих пор находился в тайном заключении в форте Брокен-Бей, расположенном в нескольких милях к северу от Сиднея.

Эти мысли смутили было Оллсмайна, но скоро ему удалось отогнать их.

– Ну, все это пустяки! – произнес он вслух. – Теперь для меня самое важное, чтобы этот Лаваред освободил меня, а потом я найду средства заставить его держать язык за зубами.

Вдали часы пробили половину шестого.

– Еще полчаса! – проворчал повешенный.

Но в эту минуту справа от него послышались шаги, и Оллсмайн прислушался.

– Кто бы это мог быть? – пробормотал он. – Ворота-то еще заперты.

Не успел он закончить этой фразы, как шаги послышались и слева.

– И еще кто-то!

Шаги приближались, и вскоре на площадку с двух разных сторон вышли два молодых человека. Оба блондины, оба одеты по последней моде, оба в светлых перчатках, оба с перчатками и, что всего характерней, оба с записными книжками и карандашами. Они, видимо, не очень обрадовались встрече. Но тотчас же, подавив невольный жест досады, они обменялись любезными улыбками и пожали друг другу руки.

– И вы здесь, дорогой собрат? – спросил один.

– Как видите.

– Я должен признаться, что в распоряжении редакции «Нью-Сидней ревью» находится король репортеров.

– Считаю своим долгом отметить, что в распоряжении редакции «Инстантейниос» находится их император.

- Вы слишком любезны.
- Не более, чем вы...
- Вы явились сюда...
- Для интервью.
- И я также.
- Значит, «Нью-Сидней ревью» получило известие от корсара Триплекса?
- Да, вероятно, и ваша редакция тоже?
- Тогда начнем?
- Начнем. И по окончании – каждый в свою редакцию. Устроим матч, чья статья выйдет раньше.

– Идет.

Оба весело рассмеялись и, одновременно сняв шляпы, обратились с почтительным поклоном к повешенному, который ответил на это страшной гримасой. Оллсмайн не пропустил ни слова из предыдущего разговора. Он ясно понял, что корсар принял меры, чтобы ударить его посильнее и что удар его не пропал даром. Для обеспечения огласки приключений Оллсмайна он сообщил о них в редакцию газет.

Бешеный гнев охватил сэра Тоби, когда он увидел себя на виселице, со связанными руками и ногами, в полной власти репортеров. Никогда еще положение интервьюируемого не было печальнее. Теперь ему уже нельзя было надеяться, что его приключение не получит огласки. Весть о нем разойдется сегодня же утром в тысячах экземпляров, в каждом доме будут хохотать над его злоключениями.

Вдруг он вздрогнул, услышав характерный звук защелкавших фотографических аппаратов. Камера – необходимая принадлежность каждого австралийского репортера. И пока Оллсмайн предавался своим размышлениям, его изображение на виселице было увековечено на чувствительной фотографической пластинке.

Как бы не замечая бешеного взора, который бросил на них Оллсмайн, журналисты одновременно поклонились и проговорили с трогательным единодушием:

– Очень вам благодарны, сэр. Поза была великолепной!

– А, господа! – проворчал сэр Тоби. – Вы сделали бы гораздо лучше, если бы вместо того, чтобы шутить, достали бы лестницу и избавили меня от этого положения.

Репортеры с улыбкой переглянулись.

– Мы тотчас будем к вашим услугам. Но доступ к вам в высшей степени труден, и потому мы не можем не воспользоваться случаем интервьюировать вас. Мы вас не задержим. Сообщение корсара Триплекса ознакомило нас с самой сущностью дела. Получив это сообщение, мы тотчас же явились сюда. Но ворота были заперты, и мы перелезли через ограду. Нам необходимо сделать три вещи. Первое – снять ваш портрет. Это мы уже сделали. Второе – снять копию с надписи, которая висит у вас на груди. Это займет не более десяти секунд.

И репортеры принялись писать в своих книжках, громко читая вслух написанное. Оллсмайн смог, таким образом, познакомиться с надписью, что, впрочем, особого удовольствия ему не доставило.

На доске было написано:

«Корсар Триплекс мог бы, конечно, наказать Оллсмайна за преступления. Для этого достаточно было бы повесить его за шею, а не за плечи. Если он не сделал этого, то лишь потому, что предоставляет это британскому правосудию, у которого рано или поздно откроются глаза на этого человека».

– Готово! – разом объявили репортеры. – Теперь мы переходим к третьему делу. Соблаговолите, сэр, сообщить нам впечатления повешенного.

При этом коварном вопросе Оллсмайн не мог удержаться от ругательства.

– Убирайтесь к черту! – вскричал он.

Но представителей газет было не так-то просто смутить такими пустяками.

– Не торопитесь, подумайте, – продолжали они тем же любезным тоном. – Мы подождем.

Этот вопрос даже интересен с философской точки зрения. Ваши рассуждения должны быть очень занимательны. Насколько нам известно, вы первый из всех повешенных имели в своем распоряжении столько времени, чтобы разобраться в собственных впечатлениях.

Видя, что Оллсмайн молчит, один из репортеров достал портсигар и предложил сигару своему собрату, выбрал сигару себе, и оба спокойно принялись курить.

Несмотря на свой гнев, Оллсмайн понял, что приходится смириться.

– Господа! – сказал он.

– Что прикажете, сударь?

– Я готов ответить на ваши вопросы. Но, черт возьми, поторопитесь. У меня все тело затекло!

Репортер «Инстантейниос» стал задавать вопросы:

– Когда вы увидели себя на виселице, каковы были ваши мысли?

– Не из приятных.

– Я тоже так думаю. Но каково было ваше главное ощущение? Страх?

– Нет, я понимал, что моей жизни не грозит опасность.

Репортеры одобрительно кивнули.

– Это подтверждает надпись корсара Триплекса, видимо, он вполне порядочный человек.

Ничто не могло так раздражить повешенного, как этот одобрительный отзыв о его враге.

– Он – негодяй! – вскричал сэр Тоби, забыв свое напускное хладнокровие.

– Извините, – спокойно возразил репортер, – он объявляет, что не хотел вашей смерти, и вы это подтверждаете. Значит, он – порядочный человек.

– Бандит, способный на всякие гнусности! – прорычал Оллсмайн, будучи вне себя.

– Пожалуйста, повежливее, сэр. Мы не решимся опубликовать подобные отзывы о джентльмене, который с таким уважением относится к печати.

Оллсмайн закусил губу, чтобы не осыпаться ругательствами и своих мучителей.

– Ну, мы подходим к концу. Последний вопрос. Напала ли полиция на след этого Триплекса?

Репортер как будто нарочно задавал такие вопросы, которые для Оллсмайна были самыми неприятными. Но, понимая, что смирение – лучшее из способов выйти из неприятного положения, он сдержался и проговорил сдавленным голосом:

– Нет, до сих пор у полиции нет никаких точных сведений.

Записав и эту фразу, репортеры спрятали карандаши и записные книжки.

– Премного вам благодарны, сэр. Теперь мы пойдем к садовнику и пришлем вам лестницу.

– Нет-нет, меня и так уже видело слишком много народу. Я не вынесу, если сюда заявятся еще и сторожа.

– Значит, вы хотите, чтобы мы сами принесли сюда лестницу.

– Если бы вы были так любезны.

– Хорошо, мы согласны, идем, дорогой собрат, освободим сэра Оллсмайна и тогда начнем свой матч.

В восторге от своей удачи молодые люди быстро скрылись в боковой аллее.

Нет никакого сомнения, что повешенный втихомолку осыпал их всеми проклятиями, которые могло только измыслить англосаксонское воображение. Теперь он испытывал уже настоящие мучения. Кровь с трудом обращалась в его онемевших членах, минуты казались ему столетиями. Наконец послышались шаги.

– Они, – пробормотал он.

Но он ошибся. На площадке появился человек, совершенно незнакомый Оллсмайну. Это был Арман Лаваред, явившийся на свидание, назначенное анонимной запиской.

При виде виселицы парижанин в изумлении остановился. Он пробежал глазами надпись на доске, украшавшей грудь Оллсмайна, и пробормотал вполголоса:

– Сэр Тоби Оллсмайн! Я знал, что англичане эксцентричны, но не думал, что они доходят до таких крайностей!

Это замечание вызвало новую вспышку гнева у повешенного.

– Убирайтесь к черту! – вскричал он, когда Лаваред поклонился и назвал себя. – Вы пришли слишком поздно!

– Извините, сейчас ровно шесть! – ответил француз, доставая часы из кармана.

И как бы в подтверждение его слов на башне раздался бой часов.

– Слышите? – спросил Лаваред.

– Не в этом дело. Став жертвой глупой шутки, я рассчитывал, что вы освободите меня, прежде чем молва об этом разнесется по городу.

– Нет ничего легче.

– Поздно, говорю я вам! Меня уже видели два репортера. Сейчас они меня снимут, но зато пропечатают об этом в газетах.

– Ну, статью можно и опровергнуть, – улыбнулся Лаваред, – это в обычаях правительства.

– Так-то так! Но есть нечто другое, чего не опровергнешь.

– Что именно?

– Фотографии.

– Не понимаю.

– У репортеров были фотоаппараты, и теперь у них есть негативы...

– От которых вы были бы не прочь избавиться?

– Разумеется... Но замолчите. Они идут.

Действительно, репортеры показались на площадке, неся в руках двойную лестницу. Подойдя к Оллсмайну, они тщательно установили ее под виселицей. Лаваред вежливо поклонился.

– Я ваш французский собрат, господа, – сказал он в ответ на удивленные взгляды репортеров.

– Собрат! – радостно вскричали репортеры. – В таком случае, позвольте поручить вам освобождение сэра Оллсмайна. Мы страшно торопимся.

Лаваред отрицательно покачал головой:

– Мне, иностранцу, неудобно вмешиваться между бандитами и правосудием. И потому, к моему глубокому сожалению, я не смогу оказать вам этой услуги.

– Вы совершенно правы, – отвечали англичане. – Ну что же делать. Придется немного опоздать. Поднимемся оба, благо лестница двойная, и когда отцепим сэра Оллсмайна, то будем совсем уже свободны.

Они уже собирались поставить ноги на первую ступеньку, но Лаваред остановил их.

– Вы не боитесь, господа, за судьбу ваших фотоаппаратов? – спросил он, указывая на кожаные футляры, висевшие через плечо у обоих репортеров.

– Да, действительно, как бы не разбить.

Они оглянулись, куда бы положить камеры.

– Позвольте, я подержу их!

– Пожалуйста.

Журналисты быстро взобрались по лестнице и принялись распутывать сэра Оллсмайна.

«Стоит уничтожить негативы, и я – друг Оллсмайна. А с его помощью мне будет легче отыскать Робера. За дело, Арман!»

Легким нажатием пальца он поднял на несколько секунд обтюратеры и снова опустил их. Снимки, не подвергнутые еще закреплению, погибли окончательно. Наконец журналистам удалось распутать Оллсмайна. Они почти снесли его на землю.

Лаваред, как ни в чем не бывало, вернул им их камеры. Репортеры сердечно пожали ему руку.

– Итак, перемирие окончено, – сказал один.

– Окончено, – подтвердил другой.

– Матч начинается.

– Начинается.

– Десять фунтов тому, кто первый выпустит статью.

– Идет.

И соперники быстро удалились, оставив Лавареда наедине с полицейским.

Глава 8. Слежка

Сэру Тоби понадобилось по крайней мере минут десять, чтобы расправить онемевшие члены. По счастью, ум его пришел в нормальное состояние несколько раньше, так что Лаваред мог объяснить ему, как просто удалось уничтожить фотографические снимки. Узнав, в чем дело, Оллсмайн блистательно доказал восстановление своих физических сил, чуть не раздавив руку парижанина, которую пожал так, как это умеют делать только англичане.

Новые друзья тут же отправились по направлению к дому Оллсмайна. Дорогой Арман представил свой рапорт, и Оллсмайн с неслыханным бесстыдством обещал сделать все, что будет угодно Арману, и тут же отрядить целую бригаду полицейских, чтобы искать беглеца. Тем не менее он тут же заявил, что в первый раз слышит о Танисе, о Робере Лаваред и о Ниари.

К концу прогулки оба они остались довольны друг другом. Но у дверей дома Оллсмайна их ждала новая неожиданность: там стоял Джеймс Пак, окруженный полицейскими агентами. Прибытие Оллсмайна было встречено радостными восклицаниями. После взаимного обмена приветствиями Пак рассказал Оллсмайну, что произошло после того, как их схватили в таинственном доме, куда их привел злоумышленник, одетый рабочим. Около полуночи он очутился напротив полицейского поста на Дарлинг-Харбор, будучи привязанным к столбу. На его крик выбежали дежурные полисмены и освободили его. Тотчас же он отправился туда, где должен был произойти арест Триплекса.

Полицию он нашел на прежних местах. Сняв посты, он вошел в дом и к своему глубокому удивлению обнаружил, что дом совершенно пустой. Он осмотрел все закоулки, тщательно исследовал стены, так как смутно помнил, что его несли по какому-то подземелью, но все его поиски были напрасны. Что касается Силли, которого он сейчас встретил, то с ним обошлись несколько иначе, мальчик утверждал, что его заперли в какой-то комнате люди с зелеными лицами, а утром он проснулся на кипе рогож около доков. Воспоминания ночи так перепутались в большом мозгу мальчика, что он не знал, не видел ли он все это во сне.

Оллсмайн выслушал этот рассказ совершенно спокойно, ничем не обнаруживая своих подозрений.

– Все это весьма запутанно, – сказал он, – но теперь нужно прежде всего отдохнуть. Вы, мистер Пак, идите пока в бюро, а я вздремну пару часиков и потом приду сменить вас.

Пожав руку Лавареду, Оллсмайн вошел в отель вместе со своим секретарем.

Проводив Пака до дверей бюро, он простился с ним, а сам, вместо того чтобы лечь спать, быстро направился в полицейское управление и приказал вызвать в него одного из агентов, по имени Доув. Когда агент явился, Оллсмайн что-то долго говорил ему тихим голосом, настолько тихим, что тот едва мог расслышать.

Потом он вернулся домой, заперся в уборной, принял душ, растер все тело ароматической водой и свежий, как будто и не висел всю ночь на виселице, явился в бюро сменить Джеймса Пака, который уже отдал по телефону распоряжение поднять на ноги всю сиднейскую полицию и отправиться на поиски корсара Триплекса.

* * *

Когда Арман остался один, его взгляд упал на Силли, который с равнодушным видом смотрел на агентов, расходившихся по разным направлениям. Кроткое выражение лица мальчика невольно внушало ему симпатию, да к тому же он сейчас был в таком настроении, что ему непременно хотелось хоть кого-нибудь осчастливить. Он не сомневался в успехе своего предприятия. Едва приехав в Сидней, он успел оказать услугу важному чиновнику, содействие

которого ему было необходимо, и потому надеялся, что ему вскоре удастся разыскать Робера. Он с улыбкой обратился к мальчику и дружески хлопнул его по плечу.

– Ну, Силли, – сказал он, – помнишь ли ты, как провожал путешественников в «Сентенниал-Парк-Отель»?

– Силли часто провожает путешественников, – уклончиво ответил мальчик.

– Я знаю, но припомни, это же было вчера.

Силли немного подумал.

– А, вчера, помню! Я провожал двух молодых дам и джентльмена, который дал мне шиллинг.

– Ну да.

– Так что же?

– Этот джентльмен – я.

– Может быть.

– Я слышал, что сегодня ночью ты хорошо поужинал. Не хочешь ли ты так же и позавтракать?

Лицо мальчика осветила улыбка.

– Хорошо поужинать и потом хорошо позавтракать, – сказал он. – Не слишком ли будет хорошо для одного дня?

– Так ты не хочешь?

– Нет, но право это смешно: один день поешь много, а другой совсем ничего. Вероятно, так и нужно.

– Да, дитя мое, – взволнованно сказал Лаваред. – Верь, что так нужно, иначе это было бы слишком тяжело.

И, взяв Силли за руку, парижанин повел его в гостиницу.

Оретт и Лотия уже встали и ждали Армана, несмотря на столь ранний час. Они радостно выслушали его рассказ о встрече с Оллсмайном и сердечно отнеслись к Силли, Оретт даже выразила желание взять его к себе, дать ему хоть какое-нибудь дело, которое было бы ему не трудно, и, таким образом, избавить его от нищеты. Когда они растолковали это Силли, мальчик покачал головой.

– Вы добры, как та дама, – сказал он, – но это не годится. Силли не может жить в доме. Но он будет вас помнить.

Оретт не решилась настаивать, и Силли, предоставленный сам себе, стал бродить по комнате.

Около десяти часов, напившись чаю с сэндвичами и съев яиц всмятку, Силли объявил, что ему нужно идти в порт, и ушел, пожав руку парижанину и поцеловав руки дамам. Его не удерживали.

– Это дикая птичка, которая не вынесет клетки, – сказала Лотия.

Проводив Силли, они собрались осматривать город, но неожиданный случай изменил их решение. Опустив руку в карман за портсигаром, парижанин нащупал там какую-то бумагу.

– Новое послание от моего таинственного корреспондента! – вскричал он, взглянув на адрес. – И почерк совершенно тот же!

– Совершенно тот же, – подтвердила Лотия. – Читайте скорее! Ведь первое письмо оказало нам такую большую услугу.

Парижанин развернул письмо и прочитал его вслух:

– «Джентльмен! Вы желаете найти своего кузена Робера Лавареда. Я не могу вам сказать, где он находится, но хочу успокоить его невесту. Ему не грозит никакой опасности. Его старания приблизить минуту, когда он будет в состоянии предложить мисс Лотии свое вновь обретенное имя, готовы увенчаться успехом. Вы можете значительно помочь ему. Вам посчастливилось вывести сэра Оллсмайна из смешного положения, и, конечно, он пожелает доказать вам

свою благодарность. Попросите его выпустить египтянина Ниари из форта Брокен-Бей, где он заключен. Этим путем вы приобретете весьма полезного свидетеля. Ваш корсар Триплекс».

Путешественники положительно остолбенели от удивления, кто был этот таинственный корреспондент, который знал все их мысли? Что связывало их с этим корсаром, о котором все крутом говорили и которого никто не видел?

Арман первым несколько оправился от удивления.

– Что бы там ни было, – сказал он, – но этот корсар Триплекс нам друг. Это можно заключить из его поведения относительно нас. Раз уже я последовал его указаниям, и мне тотчас же удалось приобрести выгодное для нашего предприятия расположение сэра Оллсмайна. Последуем же и теперь совету этого незнакомого друга. Что вы об этом думаете?

– Я готова умолять вас об этом! – вскричала Лотия. – Ах, простите... я высказала свое мнение раньше Оретт... Но вы понимаете... какое чувство...

Молодая девушка совсем смутилась, но Оретт поспешила прийти ей на помощь.

– Не извиняйтесь, Лотия, – сказала она. – Вы же знаете, что я в этом вопросе не могла иметь другого мнения. К тому же, – добавила она с улыбкой, – я совершила целое путешествие вокруг света со своим мужем и знаю по опыту, что нужно много постранствовать, для того чтобы выйти замуж за Лавареда! Это семейство перипатетиков².

– Только без Аристотелевой философии! – вскричал ее муж.

– Ну, это еще неизвестно, как бы то ни было, – закончила она тоном профессора на кафедре, – вы, сударь, именем Аристотеля и нашим приглашаетесь к исполнению следующего: вы сейчас же отправитесь к Оллсмайну и представите ему записку Триплекса.

Арман не заставил повторять дважды это «приглашение». Не теряя ни минуты, он отправился к Оллсмайну. Швейцар, стоявший в дверях отеля, видел Армана сегодня утром и потому сразу узнал его и беспрепятственно пропустил наверх, дав знать электрическим звонком о его приходе.

Несколько минут спустя слуга ввел Лавареда в бюро, где Оллсмайн находился в то время один. При виде француза он быстро поднялся с места.

– А, господин Лаваред, – проговорил он, дружески пожимая руку Армана, – очень рад вас видеть. Я не надеялся увидеть вас так скоро.

– Я бы не решился помешать вам, – отвечал Арман, – если бы не важная причина.

– Какая?

– Взгляните сами, – отвечал Арман, подавая Оллсмайну письмо корсара.

Тот медленно стал читать письмо, видимо, собираясь с мыслями. Противник наносил ему прямой удар, отразить который было нелегко.

– Я, право, смущен, – сказал он наконец самым откровенным тоном. – Ваш корреспондент знает мои дела лучше меня самого, если только в настоящем случае он не ошибается. Но так как я хотел быть вам очень полезным, то не изволите ли завтра поехать со мной верхом в Брокен-Бей? Это всего каких-то двадцать километров. Мы увидим всех арестантов, и если среди них действительно окажется Ниари, то я готов предоставить его в полное ваше распоряжение.

Тон и выражение лица Оллсмайна не вызвали у Армана ни малейшего подозрения в их искренности. Он горячо поблагодарил и, не желая мешать занятиям шефа полиции, простился с ним, пообещав явиться завтра в восемь часов, как ему было предложено.

– Кстати, вы никого не подозреваете в доставке этого письма? – спросил Оллсмайн.

– Решительно никого. Я нашел его у себя в кармане пальто.

– А оно было на вас сегодня утром?

---

² *Перипатетики* (от греч. «прогуливаться, прохаживаться») – ученики и последователи философской школы Аристотеля. Название школы возникло из-за привычки Аристотеля прогуливаться с учениками во время чтения лекций.

– Нет, я надел его после ухода Силли.

– Силли? – повторил Оллсмайн, немного нахмурившись.

– О, мальчик тут невиновен. Он ведь не знал, что я возьму его с собой в гостиницу, я сам предложил ему позавтракать.

– Значит, это кто-нибудь из прислуги?

– Всего вероятнее.

– Ну ладно, завтра мы увидимся.

Лаваред раскланялся и вышел. Едва дверь за ним затворилась, как начальник полиции совершенно изменил свое поведение. Так долго сдерживаемый им гнев вырвался с особой силой. Глаза его метали молнии, руки сжимались в кулаки, он то и дело ударял ими по столу.

– Это Силли... несомненно он! Ну, постой же, я тебя выслежу. Недолго тебе удастся еще меня морочить! А через тебя я доберусь и до твоих сообщников! Что это за люди, которые знают все мое прошлое! Надо выяснить и заставить их замолчать. И я это сделаю! Доув выследит Силли, и сегодня или завтра нить интриги будет у меня в руках. Я распутаю ее во что бы то ни стало!

– А этот французишка! – продолжал он, грозя кулаком по направлению к двери. – Вот дубина! Воображает, что я для его удовольствия пожертвую интересами Англии в Египте! Как же, найдет он завтра Ниари. Да я сегодня же перевезу его из Брокен-Бея!

Нетерпеливым жестом он нажал пуговку звонка, дверь отворилась, и на пороге появился Джеймс Пак.

– Вы? Какими судьбами? Я думал, что вы уже спите!

– Я пошел было спать, – отвечал с поклоном Джеймс, – но потом рассудил, что могу вам сегодня понадобиться. Паровая ванна и массаж вполне заменили мне отдых, и теперь я к вашим услугам.

– И отлично! Вы действительно мне необходимы. Триплекс опять принялся за свое. Он известил Лавареда, что Ниари находится в Брокен-Бей.

– Не может быть!

– Уверяю вас, Лаваред только что перед вами от меня ушел.

– Вы, конечно, отрицали?

– Конечно. Я даже пригласил его завтра съездить вместе со мной в Брокен-Бей и удостовериться собственными глазами, что никакого Ниари там нет.

– То есть как это?.. А, понимаю, вы его переведете в другое место!

– Да, в сиднейскую тюрьму. Вот приказ, – продолжал Оллсмайн, взяв со стола бумагу. – Будьте добры, отнесите его в центральное управление и прикажите сегодня же отправить с курьером в Брокен-Бей, коменданту. Необходимо этой же ночью переправить Ниари в центральную сиднейскую тюрьму.

У Пака дрогнули веки, как бы от едва сдерживаемого смеха. Но Оллсмайн этого не заметил.

– Я сейчас же исполню ваше желание, – отвечал горбун.

И, взяв бумагу, он вышел из бюро. Отправившись прямо в центральное полицейское управление, он передал бумагу в отделение, заведующее перемещением арестантов, и, заложив руки в карманы, насвистывая арию, отправился к полицейскому посту на набережной Дарлинг-Харбор.

Вызвав начальника поста, того самого, который отвязывал его ночью от столба, Джеймс сделал ему какие-то указания относительно мер, необходимых для розыска подшутивших над ним злоумышленников, и, окончив служебные обязанности, потихоньку направился к дому Оллсмайна.

Вдруг он усмехнулся, заметив двух гуляющих, с которыми должен был встретиться. Один был Силли, другой, шедший сзади шагах в пятидесяти, походил на рабочего.

– Здравствуйте, Джеймс Пак! – поравнявшись с ним, сказал Силли, узнав и протягивая руку.

– Здравствуй, Силли.

Рабочий остановился перед каким-то объявлением, мальчик искоса посмотрел на него и тихо проговорил:

– Этот молодец за мной следит.

– Вероятно, по распоряжению Оллсмайна. То, чего я боялся, случилось. Ваши письма к Лавареду, потом эти выбившиеся из-под капюшона волосы... Одним словом, Силли, у него появились подозрения. Вам нужно сегодня же вечером исчезнуть из Сиднея.

– Я исчезну. Но только... при этом шпионе... как же я смогу предупредить *тех*?

– За вас это сделаю я.

– Благодарю вас, Джеймс. Только... – Глаза мальчика наполнились слезами. – Только мне будет очень скучно без вас.

– И мне тоже, Силли. Но я надеюсь, что наши испытания скоро кончатся.

– Вы говорите: скоро, – улыбаясь сквозь слезы, сказал Силли. – Значит, вы надеетесь...

– Да, Силли.

– И тогда мы уже не расстанемся?

При таком вопросе на лице Джеймса появилось выражение страдания.

– Это будет зависеть от другого лица, которому и вы и я обязаны повиноваться. Ну, до свидания, Силли, будем надеяться. Приготовьтесь же к вечеру, а *тех* я предупрежу сам.

Мальчик распрощался с Джеймсом и пошел дальше. В то же время и рабочий закончил читать афишу и пошел вслед за ним. Поравнявшись с Джеймсом, он незаметно кивнул ему головой. Горбун ответил ему тем же.

– Доув из бригады «Ф», – пробормотал он. – Совсем не умеют гримироваться эти полисмены.

И он продолжал свой путь. Подойдя к самому берегу, Пак остановился, устало посмотрел на мутную воду, заложил руки за затылок, потянулся и зевнул. Трижды повторив этот жест, он отправился к Оллсмайну.

День прошел в обычных полицейских занятиях, и наконец наступил вечер. Джеймс Пак уже начал было собираться уходить, но делал все необыкновенно медленно. Может быть, он очень устал этой ночью?

Сонный и вялый Джеймс уже начал было прощаться с Оллсмайном, когда слуга вошел и доложил, что пришел Доув.

Оллсмайн улыбнулся. Он попросил Джеймса обождать и приказал ввести агента. Доув тотчас же вошел в комнату.

– Что нового? – спросил Оллсмайн.

– Мальчик нанял на всю ночь лодку.

– Лодку?

– Да. Он собирается ловить рыбу вне рейда, у мыса Джексон.

– Он не заметил, что вы за ним следили?

– В этом я готов поклясться.

– И выбор места заставляет вас думать, что...

– Что он предполагает войти в сношения со своими сообщниками.

Оллсмайн дружески хлопнул Джеймса по плечу.

– Ну вот, этой ночью нам снова не удастся поспать, – сказал он. – Оставайтесь обедать. А вы, Доув, распорядитесь, чтобы была готова большая таможенная шляпка с полным экипажем, и ровно в восемь часов ждите нас у причала номер двадцать три.

– Но в чем дело? – удивился Джеймс Пак.

– Подождите и увидите! А пока надо подумать об обеде.

Доув ушел, а Джеймс и Оллсмайн перешли в столовую.

Леди Джоан уже сидела на хозяйском месте. Она тепло поприветствовала секретаря своего мужа, но Джеймс заметил, что она недавно плакала. Это обстоятельство не ускользнуло также и от внимания Оллсмайна.

– Что такое? – спросил он грубоватым тоном. – У вас опять красные глаза?

– Вы правы, – отвечала леди Джоан. – Но ведь при вас я не плачу.

– Будет ли этому конец?! Я уверен, что вы просидели все утро перед портретом Маудлин.

Если это будет продолжаться, я прикажу снять его!

– Нет, сегодня этого не было.

– Так что же тогда было?

– Я ждала этого мальчика...

– Силли?

– Да. Он должен был прийти сегодня. Мне так хотелось его видеть. Надеюсь, ему не помешали?

– А, так этот мальчишка вас интересует? – с улыбкой проговорил сэр Тоби. – Меня несколько удивляет такая внезапная симпатия, но, если хотите, я вам доставлю удовольствие, и вы его увидите. Завтра же вы получите возможность смотреть на него целый день, и он никуда не уйдет.

Леди Джоан с некоторым беспокойством посмотрела на Оллсмайна. В его словах ей послышался какой-то скрытый смысл.

– Вы слышали, что я сказал, – продолжал Оллсмайн добродушным тоном. – Не спрашивайте больше ничего, это моя тайна. Довольно плакать! Будем радоваться... Puff over!³

– Да, puff over! – загадочным тоном повторил за ним Джеймс. – Простите, сударыня, что я вмешиваюсь в ваш разговор, – прибавил он, обращаясь к леди Джоан, – но я разделяю мнение сэра Оллсмайна, что вслед за горем наступает радость!

Леди Джоан с удивлением посмотрела на Джеймса. Впервые он говорил с нею таким тоном, первый раз дал понять, что ему известны тайные надежды безутешной матери.

– Хорошо, раз вы этого желаете. Puff over! – с улыбкой ответила она.

Сэр Тоби был в восторге от того, что его жена немного оживилась. Обед прошел без всяких инцидентов. Сразу после него мужчины простились с хозяйкой дома.

Надев непромокаемые плащи, они вышли из дома и вскоре достигли набережной. Подойдя к пристани № 23, они остановились и, перегнувшись через перила, начали всматриваться в темные воды. Внизу вырисовывался силуэт шлюпки.

– Это вы, ваша честь? – послышался голос снизу.

– Да, это я, Доув. У вас все готово?

– Все, ваша честь.

Оллсмайн и Джеймс быстро сбежали по крутым сходням, вошли в шлюпку и сели на корме. На веслах сидели шесть человек матросов. У каждого было по винтовке.

– Какие будут приказания, ваша честь? – спросил Доув.

– Держаться набережной, потом берега, чтобы быть в тени, а то ночь слишком светла.

– Слушаю. Можно отплывать?

– Да.

Шлюпка отчалила от пристани и юркнула в тень, отбрасываемую набережной. Вне ее все море было залито лунным светом. Шлюпка тихо пробиралась между судами. Все молчали, казалось, не люди, а призраки на призрачном судне отправлялись на какое-то таинственное предприятие...

---

³ Хватит хныкать! (англ.)

Вскоре лодка вошла в морской канал и вышла на рейд. Ленивые волны слегка покачивали шлюпку. На севере вырисовывался скалистый берег, оканчивавшийся группой скал мыса Джексон. Шлюпке необходимо было теперь миновать небольшое освещенное пространство, но это мало смущало Оллсмайна.

Лодка Силли была уже по ту сторону мыса, и он не мог видеть шлюпки.

Они снова вошли в тень и пошли вдоль берега, направляясь к мысу. Гребцы старались производить как можно меньше шума. Весла обмотали полотном, и лодка теперь скользила совсем неслышно.

Неожиданно все весла резко поднялись.

– Что такое? – спросил Оллсмайн.

– Лодка, – сказал один из матросов, указывая вперед и немного в сторону.

Действительно, в указанном направлении виднелась лодка. На корме ее сидела фигура, в которой без труда можно было узнать силуэт Силли, ловившего рыбу.

Теперь оставалось только ждать. Бросили якорь. Оллсмайн так и впивался глазами в Силли.

Не подозревая, что за ним следят, Силли спокойно занимался своим делом. Он то вытаскивал рыбу из воды, бросая ее на дно лодки, то снова закидывал удочку. Все это продолжалось часов шесть. Бесплодное ожидание раздражало Оллсмайна. Чтобы хоть как-то развлечься, он то и дело отхлебывал виски из захваченной с собой фляжки и угощал из нее Пака.

А луна продолжала свой путь по небу; направление теней изменялось, и скоро лодка и Силли исчезли в тени утеса. Прошло полчаса, и лодка снова вынырнула из тени.

– Черт побери! – пробурчал Оллсмайн. – Я вижу лодку, но не вижу мальчишки, куда он девался?

– Вероятно, лег на дно, – сказал Пак. – Наши рыбаки часто находили его спящим таким образом.

– И впрямь, дуракам всюду счастье! – сказал Оллсмайн. – Всякий другой, наверно, успел бы раз двадцать утонуть, если бы был столь же неосторожен.

Он замолчал и снова погрузился в ожидание.

Когда на востоке забрезжил рассвет, сэр Тоби уже не смог больше сдержать своего гнева. Целую ночь он прождал без всякого результата. Нет, решительно этот корсар смеется над ним!

– За весла! – вскричал он.

– Мы возвращаемся в порт? – спросил Пак.

– Нет, сударь, – сухо отвечал Оллсмайн. – Сначала арестуем мальчишку! В тюрьме он заговорит, я сумею развязать ему язык!

– Следовательно, вы уверены, что корсар Триплекс как-то связан с этим мальчишкой?

– Это не подлежит сомнению.

Шлюпка быстро направилась к рыбацкой лодке. И вскоре оба суденышка сошлись вплотную.

– Ну, ты! – вскричал Оллсмайн. – Вставай-ка да собирай свой крохотный умишко, чтобы отвечать!

Грубый оклик остался без ответа.

Сэр Тоби перегнулся через борт и, взглянув на дно лодки, вскрикнул от удивления. Лодка была пуста.

Глава 9. К Лотии возвращается улыбка

Что же случилось с Силли? Исчезновение его было окружено непроницаемой тайной. В сердцах матросов зародился суеверный страх, который ширился с каждой минутой. Их воображение заработало с необычайной энергией. На обратном пути в порт они беспокойно оглядывались кругом: вот-вот на берегу появится корсар Триплекс в облаке дыма и пламени! В их представлении таинственный враг сэра Оллсмайна обращался в какую-то легендарную личность, и для них не было сомнения, что не кто иной, как корсар Триплекс, спас Силли от преследования полиции, и притом это спасение не обошлось без колдовства.

Не менее матросов был озабочен и сам Оллсмайн. Еще раз разрушались все его планы. Силли, на которого он рассчитывал, у которого надеялся найти главную нить в борьбе против своего тайного врага, Силли исчез, а с ним исчезла и всякая надежда на успех. Тьма неизвестности, окружавшая Оллсмайна, стала гуще, чем когда-либо. К охватившему его гневу примешивалась и боязнь.

Что ожидало его впереди, какое новое несчастье нависло над его головой?

И вдруг он вспомнил, что сегодня утром назначил свидание Лавареду. После двух бессонных ночей, не имея времени на отдых или на то, чтобы собраться с мыслями, он еще должен был скакать с Лаваредом в Брокен-Бей, чтобы убедить француза в отсутствии Ниари в этом месте заключения. Правда, это было не трудно, так как приказ о переводе Ниари в сиднейскую тюрьму уже, вероятно, выполнен. Но Оллсмайну так хотелось побыть одному и обдумать свое положение.

События слишком уж быстро следовали одно за другим. А отложить поездку невозможно. Слишком мало друзей было у Оллсмайна, чтобы он мог позволить себе отнестись небрежно к Лавареду. Это значило восстановить против себя человека, уже оказавшего ему большую услугу, человека, который мог понадобиться ему впоследствии.

Шлюпка подошла к пристани. Оллсмайн и Пак вышли на берег. Доув отпустил матросов, которые тотчас же разбежались по домам и, конечно, рассказали там своим женам, друзьям и родственникам обо всем, что случилось с ними ночью, без сомнения, приукрасив свой рассказ различными сверхъестественными подробностями, к которым так склонен простой народ.

В восемь часов утра, когда Оллсмайн уже готовился сесть на лошадь, чтобы вместе с прибывшим к нему в назначенное время Лаваредом ехать в Брокен-Бей, ему доложили о слухах, циркулирующих в городе между рабочим населением.

Рассказывали, что Силли был вырван у полиции из-под носа гигантом, глаза которого блестели, как огни маяка. Оллсмайн отлично понимал, откуда распространилась легенда, но делать было нечего: такие слухи всегда следуют за каждой громкой неудачей полиции.

Сев на лошадь, сэр Тоби крупной рысью мчался по городским улицам. Рядом с ним ехал Лаваред, сзади на почтительном расстоянии группа полицейских агентов на велосипедах, давно уже заменивших лошадей в отрядах австралийской конной полиции. Скоро вся кавалькада, оставив слева предместье Ричмонд, выехала на шоссе, отлого огибающее залив Брокен и направлявшееся к форту Брокен-Бей.

Обманутый добродушием шефа полиции, Арман рассыпался в извинениях перед своим спутником, Оллсмайн же как будто утешался, что ему удастся провести Армана после того, как его самого провела корсар Триплекс.

– Не беспокойтесь, это ничего не значит! – любезно отвечал он на извинения парижанина.

Положительно, его страх перед кознями Триплекса исчезал по мере того, как солнце поднималось в небе. Нет, он победит этого корсара. Малейшая неосторожность со стороны Триплекса, и он будет в его руках. А неосторожность была вероятна.

Ничто так не усыпляет бдительность и осторожность, как безнаказанность.

Даже в эту минуту он был близок к первой частной победе над своим невидимым врагом. Разве он не принял мер к тому, чтобы разрушить планы Триплекса, задумавшего устроить свидание Лавареда с Ниари? С Ниари, этим опасным для Англии свидетелем, который вполне мог подтвердить личность Робера.

Одним словом, настроение Оллсмайна окончательно прояснилось, у него даже вырвалось его любимое радостное восклицание: «Puff over!»

Но этой веселости не суждено было длиться долго. Дорога поднималась на лесистый холм. Для уменьшения крутизны подъема она шла крутыми извилинами, так что нельзя ничего было видеть далее ста или двухсот метров.

Путники уже приближались к вершине, как вдруг до их слуха донеслись какие-то странные крики, казалось, несколько голосов умоляли о помощи, другие голоса отказывали.

Всадники пришпорили лошадей, велосипедисты налегли на педали. Обогнув небольшую группу деревьев, они увидели странную картину. На дороге толпилась кучка крестьян. Они кричали, махали руками, но при этом держались на почтительном расстоянии от полицейских, привязанных к окаймлявшим дорогу деревьям.

Полицейских было человек двенадцать.

Они жалобно умоляли, чтобы их отвязали, но крестьяне не решались делать этого. Скоро наши путешественники поняли причину их нерешительности. Над головой одного из несчастных виднелся приколотый к дереву кинжалом лист картона с такой надписью:

«Да не коснется ничья рука до тех, кого наказал Триплекс. Сегодня этой дорогой проедет начальник полиции. Ему одному надлежит освободить своих подчиненных. Пусть он узнает еще раз, как противиться тому, что решил Триплекс. Вам, мирные поселяне, я обещаю помощь, кровительство и дружбу.

Но горе тому, кто осмелится нарушить мои приказания».

При виде Оллсмайна, которого в округе все хорошо знали, толпа расступилась.

По его знаку полицейские соскочили со своих велосипедов и быстро разрезали веревки, связывавшие их товарищей. Начальник попавшего в беду отряда, уже довольно пожилой человек, тотчас приблизился к Оллсмайну и, по-военному приложив руку к каске, ждал вопросов начальства.

– Что вы здесь делали? – спросил Оллсмайн, хмуря брови.

– Мы чувствовали себя очень скверно, ваша честь. Теперь у меня по крайней мере неделю будет болеть спина. Это ведь не на матраце лежать...

– Ну да, но кто это с вами проделал?

Полисмен указал на подпись:

– Прочтите сами, ваша честь. Этот корсар не скрывает своих действий. Если мы еще живы, то только потому, что так было ему угодно. А то он мог бы нас преспокойно и без помех отправить на тот свет.

– Но что случилось? Почему вы оказались здесь?

– Мы шли по вашему приказанию из форта Брокен-Бей.

– Вот так штука! – вскричал Арман. – Как раз оттуда, куда мы идем.

Оллсмайн вздрогнул. Его лицо внезапно побледнело.

– Отправляйтесь с нами до Брокен-Бея, – сказал он несколько смущенным тоном. – Там разберемся...

– Как будет угодно вашей чести, я могу все рассказать по дороге.

Арман поддержал полисмена:

– Разумеется, если вы ничего не имеете против этого, сэра Оллсмайна, то мне было бы очень интересно услышать, как все было. Я думаю, и вам также?

Оллсмайн в нерешимости не знал, что ответить. Агент, сочтя его молчание за согласие, начал:

– Вчера вечером мистер Голдблау...

– Кто этот мистер Голдблау?

– Главный смотритель брокенбейской тюрьмы.

– А, хорошо, продолжайте, пожалуйста.

– Так вот, мистер Голдблау позвал меня к себе и говорит: «Альбер, возьмете десять человек и с ними будете сопровождать арестанта в Сидней». – «Десять человек, – говорю я, – а где я их возьму?» – «Они, – говорит он, – ждут у ворот». – «В таком случае за чем дело стало, – говорю я, – только кого же мы будем сопровождать?» – «Номер девятнадцатый», – говорит он. – «А, знаю этого черномазого египтянина», – говорю я.

При этих словах Лаваред встрепенулся. Но он не успел вымолвить и слова, как агент вскрикнул от боли и схватился за ногу.

– Ай, что это? – вскричал он.

Это было вот что: Оллсмайн, взбешенный неловкостью агента, изо всех сил ударил его ногой. Но это было бесполезно.

– Этого египтянина звали Ниари? – быстро спросил Лаваред.

Этот вопрос окончательно поставил беднягу Альбера в тупик. Он положительно не знал, что ему отвечать после того, как ему так решительно посоветовали быть поскрытнее. Он беспомощно смотрел то на Оллсмайна, то на Лавареда, то на свою ногу.

– Да... нет... не знаю... может быть... – бормотал он.

Журналист с недовольным видом покачал головой. Оллсмайн понял, что объяснение неизбежно.

– Да говорите вы толком! – прорычал он полисмену.

Тот этим восклицанием был окончательно сбит с толку. Никогда еще его ремесло не казалось ему таким трудным. Голосом начальник полиции разрешал ему говорить, а ногой запрещал. Приходилось говорить и в то же время молчать. Каждый поймет, что такой способ действий представляет непреодолимые трудности в техническом отношении.

– Да нет... я не отрицаю... – снова начал он мямлить.

Необходимо было прийти ему на помощь и указать, что именно говорить.

– Я и этот джентльмен, – перебил Оллсмайн, – едем как раз для того, чтобы удостовериться, находится ли в Брокен-Бей арестант по имени Ниари. Я не знал о его существовании, а вы как будто его знаете. Так не угодно ли вам рассказать нам о нем?

Агент вздохнул. По крайней мере, на этот раз приказание было ясно.

– Этого номера девятнадцатого действительно как будто бы, звали Ниари. Ну, как я уже говорил, нам его нужно было перевести в Сидней. Вышли мы около полуночи, идем себе, и ничего такого не случается. Только вдруг те двое, что шли впереди, наткнулись на протянутую через дорогу веревку и упали. Не успели мы разобраться, в чем дело, как из кустов выскочила целая шайка каких-то чертей, и у всех на лицах зеленые маски. Схватили они нас и привязали к этим вот деревьям. А их начальник подошел ко мне и говорит: «Скажи, мол, мистеру Оллсмайну, – извините, ваша честь, – скажи, мол, ему, что мы освободили Ниари, а скоро освободим и тех, кого он насильно держит у себя в семье и в склепе». Вот и все.

Оллсмайн побледнел как полотно. От этих слов корсара у него и кровь в жилах застыла. Он вспомнил таинственный суд и понял, на что тут намекал Триплекс. Те, кого он насильно держит в склепе и в семье, были маленькая Маудлин и его жена Джоан. Неужели Триплекс может воскресить мертвую, а живую освободить от его власти?!

Как ни невероятно было это предположение, но Оллсмайн потерял веру в будущее... Наконец после долгого молчания он приказал поворачивать назад, в Сидней, не обращая ни малейшего внимания на любопытные вопросительные взгляды Лавареда. Оллсмайн за всю

дорогу не вымолвил ни слова, в данном случае им руководили не осторожность, а простое нежелание разговаривать. Он был весь поглощен одной неотвязной мыслью, от которой у него по спине бегали мурашки. Этот Триплекс положительно преследовал его, а каждый безобидный прохожий казался ему заговорщиком. Он готов был арестовать все население Сиднея по подозрению в соучастии. Он был уверен, что у Триплекса множество сообщников, иначе он не смог бы так легко скрываться от полиции.

Доехав до дому, Оллсмайн отпустил свою свиту, рассеянно пожал руку Арману и вошел в подъезд. Какой-то смутный страх заставил его пройти на половину леди Джоан. Может быть, ее уже не было в доме, как, казалось, намекали слова корсара. Крадучись, он приблизился к двери той комнаты, где обычно сидела безутешная мать. Здесь он остановился и прислушался. Странно: ему послышался чей-то голос, кто-то в комнате был... Может быть, посланник Триплекса?

Сэр Тоби резко распахнул дверь.

Леди Джоан была одна. Она стояла, облокотившись на круглый столик, и прижимала к губам какую-то записку. С ее губ срывались несвязные, прерываемые рыданиями слова. При виде мужа она хотела спрятать записку, но это ей не удалось. Как тигр Оллсмайн кинулся к молодой супруге и с силой сжал ее руку. Бумага выпала. Оллсмайн порывисто развернул ее и стал читать.

«Мать, – говорилось в письме, – нас разлучило преступление, но правосудие не дремлет. Оно нашло для нас мстителя, с помощью которого мне скоро удастся быть возле тебя. Верь тому, что тебе пишет твоя Маудлин, счастливая от одной возможности сказать тебе: я жива».

Неслышанное бешенство овладело Оллсмайном. В безумном гневе он растерзал скомканное им письмо и замер на месте, как бы ища, на чем бы еще сорвать злобу. Взгляд его упал на портрет, перед которым так часто плакала Джоан. Он кинулся к картине, сорвал ее со стены и разорвал на несколько частей. Потом, швырнув на пол, принялся топтать ногами обрывки полотна и обломки рамы. Несколько успокоенный этой затратой физической энергии, он даже слегка устыдился своей дикой выходки и взглянул на жену. Во все продолжение этой сцены Джоан не двинулась с места, лицо ее сначала выражало удивление, потом ужас и, наконец, непонятную для него радость.

– Простите, – вымолвил наконец Оллсмайн, – я слишком поддался гневу.

Она молчала.

– Да, я виноват, но когда враги преследуют меня в моем же собственном доме...

– Враги? Почему же враги? – кротко возразила Джоан. – Тот, кто хочет отдать мне мою дочь, не может быть моим врагом...

– Так вы верите этим сказкам?

– Да, верю, – просто сказала Джоан.

У него снова вырвалось гневное движение, но она знаком остановила его.

– Безумие?! – скажете вы. Пусть так! Вы не были отцом и не поймете никогда, что я выстрадала. Но тело Маудлин не было найдено, и я никогда не теряла надежды. Это письмо доказывает, что я была права.

– Уловка бандита!

– Нет, я никому не делала зла. Даже бандит не посмел бы так посмеяться надо мной, не посмел бы сказать мне: мать!

– Короче: вы сноситесь с моими врагами.

– Я мать, я благословляю все, что дает мне надежду увидеться с дочерью.

Сэр Оллсмайн топнул ногой. Черты его лица снова исказились от гнева.

– Конечно! Какое вам дело, что все сговорилось против меня? Ваш муж для вас никто!

Она с удивлением взглянула на него.

– Почему моя материнская привязанность так беспокоит вас?

Он опустил глаза под ее открытым взглядом.

– Потому, – пробормотал он в смущении, – что негодяи пользуются этой привязанностью, чтобы разлучить меня с вами.

– Об этом нет и речи. Мне только обещают возвратить мою дочь.

И в самом деле! В записке не было упомянуто даже имени Оллсмайна. Увидя, что он вступил на ложный путь, он еще больше рассердился.

– Если бы это обещал вам я, вы бы мне не поверили.

– Почему вы так думаете?

– Потому что вы бы сначала подумали над этим обещанием. Вы сообразили бы, что, будь ребенок жив, он уже давно был бы с вами: ведь наши розыски наделали столько шума. А когда какой-то проходимец присылает вам неподписанное письмо, то вы ему верите не раздумывая.

– Этот незнакомец подает мне надежду, а вы, вы только усиливаете мое отчаяние.

– Нет! Вы положительно сошли с ума! Вас связать надо!

И Оллсмайн, окончательно выведенный из себя, вышел из комнаты, хлопнув дверью.

* * *

Тем временем Лаваред успел дойти до своего отеля. Всю дорогу он думал об утренних происшествиях. Несмотря на любезность и добродушный тон Оллсмайна, Арман начинал чувствовать к нему все возрастающее недоверие. Нельзя было допустить, чтобы, занимая такое положение, сэр Тоби не знал о таком важном арестанте, как Ниари. От этого предположения оставался только один шаг до уверенности в том, что приказ о переводе арестанта был подписан самим Оллсмайном.

Как видит читатель, Арман был уже на пути к постижению истины. Потом мысли его приняли уже совсем другое направление. Он стал думать о той таинственной личности, которая устроила похищение Ниари. Кто был этот корсар Триплекс? Почему он так хорошо знал все его дела, почему постоянно становился на его дороге? Задать эти вопросы было легко, ответить на них – совсем другое дело! И Лаваред так и не нашел сколько-нибудь подходящего объяснения.

Ответив на почтительный поклон швейцара, он стал подниматься по лестнице, но на первых же ступенях остановился и с удивлением прислушался. Из занимаемого им помещения неслись звуки пианино и слышался молодой чудный женский голос.

– Лотия, – промолвил он. – Неужели она поет?

Удивление, с которым были произнесены эти слова, было вполне понятно. С тех пор как Арман познакомился с Лотией, он всегда видел ее мрачной и печальной, лишь изредка вынужденная улыбка появлялась на губах молодой девушки, но она никогда не приходила в то настроение, когда девушка не может удержать рвущуюся из груди песню.

Что же так изменило ее настроение? Весь охваченный любопытством, Арман взбежал по лестнице и вошел в салон.

Лотия сидела за пианино и звучным голосом пела египетскую песню, величественную и медленную, точно само течение Нила, вдохновившее композитора. Оретт, улыбаясь, стояла возле пианино.

При виде Армана обе женщины пошли ему навстречу.

– Что, напрасно съездили? – спросила Лотия сочувственно-ироническим тоном.

Он с удивлением посмотрел на девушку.

– Да, правда! Откуда вы знаете?

Обе молодые женщины весело рассмеялись.

– Очень рад, что моя неудача вас не огорчила, а даже развеселила. Но с вашей стороны невеликодушно держать меня так долго в неизвестности.

– Мы все вам расскажем с удовольствием, но сначала дайте нам слово...

- Какое слово?
  - Не говорить никому о том, что вы от нас услышите.
  - Да в чем дело?
  - Поклянитесь сначала, – со смехом настаивали женщины.
  - Ну хорошо. Клянусь честью, я буду нем как рыба.
  - Вот и прекрасно! – вскричала Лотия. – Теперь мы можем вас посвятить в нашу тайну!
- И с этими словами она достала из-за корсажа письмо. На конверте стоял штемпель городской почты.

– Что это такое?

– Читайте.

Лаваред взял письмо в руки и с удивлением взглянул на обратный адрес.

– Почерк Робера! – вскричал он.

– Читайте! – с улыбкой повторила Лотия.

Арман прочитал следующее:

«Дорогая Лотия!

Я слишком рано пришел в отчаяние. У нас не было Ниари, и поэтому я не мог установить своей личности, а следовательно, предложить вам свою руку, а с нею и свое сердце. По счастью, один человек взял меня под свое покровительство, и по его воле Ниари уже освобожден из заключения и теперь уже находится вместе со мною. Конечно, дорогая моя, моя звезда, мое солнце, я был бы уже возле вас, но благодарность не позволяет мне покинуть своего благодетеля. Он помог мне, а теперь я должен помочь ему в исполнении ужасной обязанности. Но он позволяет мне обнадежить вас и сообщить, что ваши несчастья скоро закончатся. В течение двух месяцев вы не получите от меня ни одного письма, но не беспокойтесь. Когда вы услышите о корсаре Триплексе, знайте, что это он хлопочет о нашем воссоединении. Знайте также, что душой, сердцем, мыслью я всегда с вами. Уверен, что с поддержкой Армана и моей доброй кузины Оретт вы не будете падать духом. Шлю вам всем троим свою любовь и надежду.

Робер Лаваред.

Р. S. Ни слова никому об этом письме!»

Арман, в свою очередь, рассмеялся:

– Наконец-то! Робер жив и обещает вернуться. Но, право, при моей жизни, довольно богатой приключениями, я еще ни разу не был замешан в такой сложной интриге!

Глава 10. Триплекс действует, но не показывается

С этого дня Лаваред все время жил в неопишемом волнении. Его темперамент журналиста плохо мирился с тайной, а тайна окружала его со всех сторон. Он часто виделся с Оллсмайном, который вдруг почувствовал к нему особое доверие и едва скрывал от него свои опасения. Арман знал о депешах, которые тот получал из адмиралтейства. В этих депешах Оллсмайну все строже и строже приказывалось во что бы то ни стало арестовать Триплекса. При этом тон телеграмм становился все более угрожающим.

Но положение Оллсмайна было все-таки довольно устойчиво. По своему положению он знал много тайн, разоблачение которых привело бы к ужасным последствиям. Многие уважаемые семьи могли бы быть скомпрометированными, если бы Оллсмайн сделал известным содержание всевозможных тайных «досье», которыми был наполнен целый несгораемый шкаф в его конторе. Поэтому в высших сферах Оллсмайн находил все еще очень сильную поддержку. Но общественное мнение заставляло правительство предъявлять к нему определенные требования. Все англичане были возмущены больше всего тем, что какой-то неведомый враг держал в страхе правительство мировой державы.

«Раз эта война ведется только против сэра Оллсмайна, – говорила многоголосая молва, – то почему бы не принести в жертву этого чиновника? Почему не назначить над ним следствие, как того требует этот наделавший столько шуму корсар?»

А корсар требовал следствия с неумолимой настойчивостью. В Лондоне, в Индии, в Австралии неведомыми путями в печать проникали его корреспонденции. Казалось, он был действительно вездесущ. Мало того, подводные кабели, погруженные на глубину 4000 метров, перестали хранить строго вверяемые им тайны, они стали болтливы. Как же иначе объяснить, что Триплекс имел положительные сведения обо всех каблограммах, которые посылал Оллсмайн разным высокопоставленным лицам? Это доказывалось ироническими депешами, которые то и дело получал Оллсмайн. Депеши эти были обыкновенно в таком роде:

«Просите протекции лорда X, сын которого скомпрометирован в деле банка Таутек (досье 147). Вы правы, но никакое правительство вам не поможет, и вы не избегнете наказания за ваши преступления. Триплекс терпелив и хорошо вооружен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.